

Талейдоскоп

Эльдар Сафин

ЗВОНКАЯ МЕЛОЧЬ ВРЕМЕНИ

FANTAVERSUM

Талейдоскоп

Эльдар Сафин

Звонкая мелочь времени

Москва
«Фантаверсум»
2013

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445
С44

Талейдоскоп

Серия основана в 2012 г.

С44 **Сафин Э.**
Звонкая мелочь времени / Эльдар Сафин;
илл. на обложке Л. Шупак (Vesea);
дизайн серии Н. Караванова. – М.: Фантаверсум, 2013. –
342 с. – (Талейдоскоп). –
ISBN 978-5-905360-17-6

Талант творца миров раскрылся у Эльдара Сафина в полной мере. В книге под одной обложкой собраны очень разные вселенные: и далекое будущее человечества, и совсем близкое — нашего государства, и мрачное готическое фэнтези, и оптимистичные сказочные мирки, и альтернативная Россия в самых разных проявлениях, и многое другое. Автор словно предлагает своим персонажам те или иные необычные условия — и с любопытством смотрит, как они справятся.

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445

ISBN 978-5-905360-17-6

© ООО «Фантаверсум», 2013
© Караванова Н., дизайн серии, 2012

Предисловие

Фантастическая литература — независимо от того, несет ли она какой-то философский, нравственный, мировоззренческий посыл, популяризирует ли новые горизонты науки или просвещает читателя в некоторой другой области знания, говорит с ним эзоповым языком иносказаний или просто развлекает — прежде всего, и по определению, требует от автора приложения фантазии. То есть способности мысленно создавать нечто, чего нет и никогда не существовало в окружающем его, автора, мире. Нечто новое.

К сожалению, львиная доля фантастики, которая пишется и издается сегодня, внутренней новизной похвастаться не способна: она вторична, третична и так далее, она течет по проторенным руслу коммерчески успешных направлений и уже в значительно меньшей степени является литературой, нежели медиапродуктом. Как компьютерные игры, приложения для смартфонов, реалити-шоу и хит-парады форматных радиостанций. А в этом бизнесе новизна чревата коммерческими рисками, куда более ценится соответствие продукта неким проверенным, продающимся, востребованным покупателем схемам.

Я не стану рассуждать, плохо ли это — в конце концов, потребность в развлечении и в отвлечении от реальности заложена в человеческой природе. Просто фантастика, о которой я говорил выше, не литература. Или почти не литература. Такова специфика этого времени — времени фанфиков, новеллизаций и сериалов. Еще, например, некогда от фантастики требовалось «звать молодежь в технические вузы». А были — и будут — другие времена.

Однако при любой ситуации всегда остается настоящая фантастика — та, что «по определению». С приложением фантазии. Тексты, которые пишет Эльдар Сафин, в полной мере отвечают этому усло-

вию. В его рассказах подчас больше новых, незатасканных придумок, чем в ином фантастическом романе, а то и в целом цикле.

Мне кажется, одно из важных качеств для писателя-фантаста — это умение постоянно задавать вопрос «а что, если бы?..». Именно так появляются фантастические допущения, из которых потом вырастает сюжет и антураж рассказа. «А что, если бы в мире было много богов, едва ли не больше, чем людей?» «А что, если бы энергоносителями стали бы не нефть, газ и уголь, а другие “ископаемые” — кости доисторических животных?» «А что, если бы образовательные и научные заведения — школы, институты, академии — были бы одновременно и исправительными?» И так далее. Это, кстати, примеры не с потолка — а из рассказов сборника, который вы держите в руках.

Чего вы здесь не найдете — это откровенно морализирующих текстов. На этическую сторону вопроса Эльдар обычно только намекает, предоставляя читателю самостоятельно делать выводы. Зато почти каждая история приправлена — в меру, конечно, — изящными шутками, и даже в самой серьезной ситуации найдется повод улыбнуться.

Эльдар всю жизнь хотел стать писателем — так он сам рассказывает. С детства он придумывал разные истории, в юности уже всерьез сочинял рассказы и повести, преимущественно фантастические. Сменил множество профессий, ряд из которых так или иначе был связан с писательством.

Завсегдатаи сетевых литературных конкурсов хорошо знакомы с творчеством Эльдара Сафина: как ни странно, но в жестких временных и тематических рамках Эльдар работает вполне комфортно, для него конкурс — это вызов, стимул написать текст, повод еще раз найти хитрую тропинку там, где большинство рванет напролом. Еще он любит — и хорошо умеет — работать в соавторстве. Из рассказов, созданных им совместно с другими писателями, можно было бы собрать еще одну книгу, не хуже этой.

Помимо рассказов Эльдар иногда пишет стихи: их можно встретить, например, в получившем «Золотой кадудей» романе Алексея Кирсанова «Первый судья лабиринта»; на его тексты исполняла песню питерская рок-группа «Каэр Морхен».

А вот романы ему даются куда сложнее. «С рассказами все просто, — говорит Эльдар, — они небольшие, и там, как правило, получается живой фрагмент, как бы часть экосистемы в отрыве от материнской среды, хвостик, который должен вилять естественным образом, чтобы верилось, что за ширмой сидит громадный и клевый динозавр,

а не пара пьяных кукловодов. А с романом так не получится, там нужно ворочать в голове всего динозавра, чтобы показать его». И тем не менее Эльдар творит и в крупной форме: его собственный роман под рабочим названием «Добрые боги Эндуса» (частью которого является один из рассказов этого сборника) уже написан и однажды обязательно увидит свет, а кроме того, в ближайшем будущем выйдут несколько романов, созданных Эльдаром в рамках межавторских проектов (для него это тоже своего рода повод поискать обходную тропинку).

И еще у Эльдара — по крайней мере, он так сам говорит — в голове постоянно роится множество задумок и планов, столько, что хватит на десяток писательских жизней. Так что в будущем вы наверняка еще не раз столкнетесь с его творчеством. А пока я предлагаю начать знакомство с ним со сборника «Звонкая мелочь времени».

*Александр Петров,
редактор-составитель*

Благодарности

Эта книга появилась благодаря множеству отличных людей, которые меня окружают. Всех их перечислить я, к сожалению, не смогу — это получился бы еще один труд, объемом сопоставимый с самим сборником.

В первую очередь я говорю спасибо моей семье: отцу — Сафину Фариту и матери — Сафиной Зинаиде, жене — Сафиной Жанне и сыну — Сафину Артему. Эти люди формировали и продолжают формировать мир вокруг меня, позволяя мне создавать мои собственные миры, будучи полностью уверенным в своем тыле.

Не могу не упомянуть друзей, которые также составляют мой тыл, — это Сергей Белаш, Алексей Книрк, Дмитрий Богуцкий и Денис Морозов. Они те, на кого я могу опереться — и не раз опирался.

Также я хочу поблагодарить людей, без которых этот сборник в принципе был бы невозможен. В первую очередь моего давнего друга — Наталью Витько, которая не раз и не два мягко, но настойчиво убеждала меня в том, что тексты нужно дорабатывать, выступала в роли моего литагента и поддерживала во всяческих ситуациях.

Александр Петров, составитель и редактор моего сборника, — человек, который в данный момент знает мое творчество лучше, чем я сам, как бы странно это ни звучало. У нас случались споры по поводу тех или иных нюансов, и порой мне бывало тяжело снять вопросы — но в итоге мы находили вместе приемлемые варианты, и, на мой взгляд, рассказы теперь лучше: убрано лишнее, подчеркнуто нужное. Благодаря Александру мои рассказы стали четче, за что ему громадное спасибо.

И еще одно спасибо — Анне Антоновой, директору издательства «Фантаверсум», где вышел этот сборник. Без Анны не было бы ни серии «Талейдоскоп», ни многих других хороших книг.

И, конечно же, спасибо вам, читающим эти строки, — без читателей нет ни книг, ни писателей.

Эльдар Сафин

Аннотации к рассказам

(только для ознакомительной версии)

Вперед и в сторону

Енька в тенеградущедобром

Девочка по имени Енька чудесным образом избегает смерти во время пожара — и оказывается в будущем на полторы сотни лет вперед, где ее вместе с другими спасенными подростками держат в интернате — не в интернате, в лаборатории — не в лаборатории... Время от времени у ребят берут кровь на анализ и тщательно молчат о том, куда они попали и что их ждет. Чего хотят от Еньки люди будущего? И что за мир простирается по ту сторону стен?..

Республика Знаний

По школьным годам каждый наверняка помнит, насколько учеба подчас кажется наказанием: когда на дворе — весна, в голове — масса интересных дел, но — ты школьник, а потому должен тащиться из класса в класс, и краснеть у доски, и писать скучные проверочные работы... Когда школа кажется тюрьмой, а учеба — пыткой. У всех у нас что-то подобное зашито в воспоминаниях, в большей или меньшей степени. Эльдар Сафин в «Республике Знаний» развивает эту мысль почти до абсурда: в придуманной им стране, где разворачивается сюжет повести, исправительно-трудовая система едина с образовательной. Там вместо тюрем — школы, а вместо лагерей — университеты. И получается так, что интеллектуальная элита общества и этого же общества подонки — один и тот же класс...

Пожиратели книг

Говорят, что ценители искусства подчас зависимы от предмета своей страсти почище иных наркоманов. Говорят еще, что и творчество иногда оказывается той еще заразой, пристанет — не отвяжешься. В рассказе «Пожиратели книг» автор попытался представить некое герметичное общество людей, в котором бы проявлялись сразу обе эти зависимости: склонность создавать и склонность потреблять прекрасное. Если задуматься, то фантастика здесь только для антуража, для остроты. А так — подобное вполне встречается и среди нас.

Джулик

Представьте себе мир-хоспис в виртуальной реальности. Нескончаемый праздник для тех, кто уже почти мертв — телесно. А теперь представьте еще вот что: каково это — оказаться единственным здоровым среди неизлечимо больных? единственным, кто волен покинуть этот пир во время чумы? Собственно, о том и рассказ.

Свинобабка

Свинобабка — существо, конечно, нелепое и малосимпатичное. Но в условиях той, будущей, Москвы, непредсказуемой и опасной, где по улицам ползают гравитационные аномалии, а ананасы растут на бывших колхозных полях как картошка, — это чрезвычайно полезное приобретение. Кстати, а кто-нибудь знает, откуда они берутся, свинобабки то есть?

Другие сказки

Перепелиное яйцо

Это сказка. Впрочем, как говорит сам автор, она из тех сказок, которые бывают интересны не только детям, но и взрослым. Главной героине, девочке по имени Маришка, достается котенок, который, как оказывается, умеет исполнять желания. «А если желать, так самого лучшего», — думает девочка — и становится королевой. О том, к чему приводит такая вседозволенность и что

настоящее счастье вовсе не в возможности исполнить сиюсекундно любую прихоть, а также о дружбе и верности, эта сказка и повествует.

Особенности Щучьего Лога

...Что происходит нечто сверхъестественное — Ира узнала, когда в полукилометре от родного поселка внезапно попала из солнечного летнего дня в самую настоящую вьюгу. Странно: оказывается, она прочно успела забыть свое прошлое, как будто провела в городе не год, а по меньшей мере полжизни; теперь же, пробираясь сквозь сугробы, она начала вспоминать: родителей, младшего брата, Ваньку-дурака, от которого и сбежала — учиться... Однако впереди ее ждало еще одно потрясение: оказалось, что мать с отцом — давно старики, брат превратился в матерого мужика, а у Ваньки, некогда Ириного сверстника, теперь четверо детей — и все старше нее. С тех пор как она уехала, время в Щучьем Логе пошло по-другому...

Драконья доля

В некоем королевстве на такой-то планете исполнял обязанности ящера дракон Имярек — как вы уже поняли, дракон не самый типичный. И вот однажды он потребовал: а пусть-ка приведут ко мне и отдадут двух детей, мальчика и девочку, причем непременно королевской крови. Цели дракон имел самые что ни на есть гуманистические, далекие от гастрономии, однако он совершенно не предвидел, чем обернется его затея.

Плакальщик

Кто не знает легенду о Плакальщике? Он странствует по свету, появляясь то там, то здесь, и оплакивает души, растающие с телом. Чаще всего его можно встретить на местах публичных казней. Но иногда он и собственноручно отделяет душу от плоти, предварительно заплатив родственникам жертвы в меру щедрое отступное. Некоторые говорят, будто он Дьявол или по меньшей мере ближайший его подручный. Другие считают иначе. Кто же он на самом деле и зачем он льет слезы?..

Катажина, или Молот Билевичей

Катажина — юная ведьмочка, которая, не успев толком войти во вкус своего внезапно прорезавшегося таланта, оказывается вынуждена распрощаться с ним. Мало того, теперь ей предстоит получить прощение у всех, на ком она столь безответственно оттачивала колдовские способности, — иначе ее ждет кое-что весьма неприятное...

Зргр

На Площади Сотни Храмов в Эндусе — действительно сто храмов. Это ничтожно мало для мира, где сотня тысяч богов тпится получить свою толику воздаяния от смертных. При таком раскладе не боги — люди начинают ставить условия. И так сложилось издавна, что раз в десять лет один из богов, чьи храмы стоят на той площади, оказывается вынужден уступить место кому-то другому — а кому, решает Вечный Жрец, могущественный — но все-таки человек.

Игры со смертью

Князь Разумовский-Таврический

Перед вами альтернативная история, но не обычная, написанная по принципу «войну выиграли не эти, а те...» или «однажды Вася проснулся Юзефом Пилсудским...», — а похитрее. Это наш мир, плюс-минус современный, но с совершенно другой энергетикой. В высокотехнологическом обществе энергетика решает всё: достаточно вспомнить последние войны и революции на Ближнем Востоке или пресловутую «нефтяную иглу». В альтернативной версии нашего мира, созданной Эльдаром Сафиным, энергоносителями служат не углеводороды — а... некроэнергия мертвых костей. И чем древнее останки, тем больше энергии они способны дать. А эти ископаемые распределены по земному шару совсем не так, как нефть, газ и уголь, — и, следовательно, картина того мира будет сильно отличаться от нашего.

Пушкарь и красавица

В далеком будущем, когда стали возможны практически любые генетические изменения, позволяющие людям жить в бескислородных атмосферах планет, свободно выдерживать жесткое излучение и чувствовать себя комфортно в ледяном космическом вакууме, человечество разделилось на множество ветвей, и представители большинства из них со временем перестали считаться людьми. Иная физиология порождает иную психику, а следовательно, и иные ценности, иной смысл жизни индивидуумов и существования цивилизации в целом. Впрочем, кое-что общее осталось: уже случилось несколько войн, в которых бывшие люди сражались между собой и с людьми настоящими, оставшимися в окрестностях Солнечной системы, за место во вселенной.

Старший пушкарь четвертой палубы крейсера «Королева Александра» обнаружил в космосе, выловил и доставил на корабль странный объект — криокамеру с телом буквально нечеловечески красивой женщины. Тогда еще никто не знал, что это последняя представительница цивилизации малкавиан, а со времен войны с ними сохранилось предписание: «В случае попадания на борт малкавианина корабль надлежит уничтожить».

Раритетный человек Тэнгри

Это был интересный проект: из останков, предположительно принадлежащих ключевым фигурам мировой истории, клонировать младенцев — и посмотреть, что из них вырастет. В какой-то мере эксперимент можно даже назвать успешным: в конце концов действительно оказалось, что все эти личности были куда как непросты и талантливы — каждый по-своему...

Подъем с переворотом

Как правило, разного рода зомби — это персонажи литературы ужасов. Как же иначе: мертвые ходят, страшно! Нам с вами — да, страшно, потому что в нашем мире покойники тихо лежат в могилах. А если представить себе, что поднимать мертвецов и использовать их, скажем, как рабочую силу — обычная практика? Наверняка там и отношение к смерти будет другое, да и сам мир станет изрядно не похож на наш.

Свинобабка

Наступила осень, и половина горожан поехала на дачи выкапывать ананасы. Мне незадолго до этого удалось умыкнуть с правительственного склада свинобабку, и потому вопрос пропитания передо мной совершенно не стоял.

Зато вопрос проживания с существом, которое способно есть любую органику, выдавая взамен нежнейшее мясо в виде тонких ломтиков, стоял острее некуда.

Свинобабка не пахла, в еде оказалась непривередлива, потрещав все, что дают, — от ножки стула до забродившего йогурта. Она мило тыкалась слепой мордой в ладони угощающего ее всякой дрянью человека и довольно урчала, когда вы — ну или я, как в данном случае, — влезали рукой в липкий карман в ее брюхе и доставали оттуда готовое мясо.

Но находиться с нею в одной квартире было просто невыносимо. Свинобабка казалась немым упреком, она, вечно довольная и спокойная, словно генерировала вокруг себя нервозность и уныние.

Мне стало казаться, что я трутень, вор и отребье, что все мои встречи с женщинами были исполнены похоти и мерзости. А все, чего я когда либо желал, — мелко, жалко и не стоит даже упоминания.

Пожалуй, все именно так и было. Но я не представлял себе другой жизни, да и не хотел никогда. Все, чего я желал, — это украсть достаточно, чтобы хватило на переезд в более стабильный район, куда-нибудь в Выхино или даже в Химки.

До недавнего времени я каждое утро втыкал вилку ноутбука в мигрирующую по стене серую полосу и ворочал свой лэптоп на столе до тех пор, пока он не находил бай-фай. А затем взламыв-

вал в очередной раз правительственную сеть в поисках того, ради чего я мог бы оторвать зад от кресла.

Иногда я выбирался в клуб «Вульва» и снимал там девчонку — на один вечер, реже на два, а если совпадали звезды — что случалось очень нечасто, — на неделю или чуть больше. Мы пили, не вылезая из постели, играли в карты на желания или просто в фанты, если азартные игры претили даме. Затем, рано или поздно, похмелье наступало меня, и я выставлял девушку из квартиры, порой со скандалом.

И жизнь продолжалась дальше — я воровал, подыскав себе очередную цель, достаточно ценную и недостаточно охраняемую. Ел, пил, спал. Знакомился с очередной дамой, прекрасно проводил с ней время и в очередное утро выставлял ее на улицу — чтобы в одиночестве переживать очередное похмелье.

Но, похитив свинобабку, я почувствовал себя уродом и скотиной. Мне не надо было больше работать. Да и не хотелось, если честно.

Не имело смысла ходить по улицам, на которых ежедневно возникали огороженные красными флажками аномалии. Не имело смысла идти в «Вульву», чтобы выпить пару-тройку коктейлей «тринадцатый реактор» а затем познакомиться с кем-то из ищущих «настоящей жизни» провинциалок.

И я начал тихонько подгнивать в своей квартире. Ночью выбирался к мусорным контейнерам и выгребал из них все то, что не доели мои соседи, а потом скармливал это свинобабке. Днем лежал на продавленном диване и наблюдал за тем, как ползают по потолку биолоампочки, пытаюсь найти там хоть что-нибудь съедобное.

Щетина на моих щеках выросла достаточно, чтобы стать мягкой, носки огрубели так, что по утрам — если я снимал их на ночь — были на ощупь как жесткий картон, а по запаху приближались к подогретому на солнце «Рокфору».

А потом в дверь, которую я забыл запереть, вошла Катя. Рыжая, невысокая и слегка полноватая, с выбеленным у дешевого косметолога лицом — как у гейши — и веснушчатými руками.

Я не помнил ее совершенно, однако она знала мое имя, знала, где я храню самогонный аппарат и как звали мою первую

любовь, — а значит, когда-то я провел с ней как минимум одну ночь.

— Степанов, — заявила она, увидев, что я продрал глаза. — Ты должен мне помочь. Мою подругу забрали на принудительные работы за проституцию.

— А если откажусь? — сонно поинтересовался я.

— Тогда я сообщу в органы о свинобабке.

Ну, в общем-то, такая постановка вопроса решала все. Я достал ноутбук, воткнул розетку в потолок — серая полоса уползла туда в поисках потребителя аккумулярующей у нее энергии, — нашел место, где компьютер ловил бай-фай, и попробовал взломать правительственную сеть. Получилось далеко не с первого раза — голова разучилась думать, и даже простейшие нестыковки приводили меня в ступор.

— Снежана Рыкова, две тысячи двенадцатый? — уточнил я, разыскав досье. — Черт, а ей повезло! Отправили в Химки, обслуживающий персонал.

Ей можно было только позавидовать. Я жил на Арбате, и порой вместо холодной воды у меня из крана сыпалась кирпичная крошка, а вместо горячей шла нефть. Один раз стена стала прозрачной, и я узнал много нового о соседе — с его стороны, видимо, все оставалось как обычно, и он удовлетворял свои потребности, совершенно меня не стесняясь.

Пару раз я просыпался на потолке от удара, потому что в дом заползала гравитационная аномалия. Однажды на моей правой руке поменялись местами указательный палец и безымянный — впрочем, я бы и не заметил, если б не носил на указательном кольце, которое в то утро создало иллюзию смены мною семейного положения.

В Химках все это считалось настолько маловероятным, что люди там ходили по улицам без линз, показывающих аномалии. Да, и там, случалось, происходили ЧП, но у нас-то они были — в порядке вещей!

— Ее все равно надо спасти, — настаивала Катя. — В Твери еще страшнее всё, и ничего, живут люди. А ты представляешь, что могут сделать с девушкой, у которой никаких прав нет? Даже если она выживет, прежней она не будет никогда!

Весь следующий день я готовился к проникновению на территорию Химок. Продумывал основной план, запасной, вспомогательный. Выяснял схемы движения транспорта и внутреннюю логику автоматических плагбаумов-отсекателей, изучал расписание работы охранников и водителей, просматривал логи химкинского трафика.

А Катя в это время убиралась в моей квартире. Если честно, понять ее мне сложно — она могла просто валяться, ничего не делая. Могла сесть за стационарный комп и рубиться в «лайнз», «симсов» или какую другую девчачью фигню — у меня было почти все, что можно нелегально достать в Москве, не прибегая к убийствам и поджогу.

Однако она — не переставая подгонять меня, ибо где-то томилась ее подруга Снежана, — последовательно скормила моей стиралке, страдающей хроническим несварением барабана, все грязное белье, отскоблила стены в ванной и надраила полы.

К тому времени, когда я был готов выдвигаться, Катя домывала посуду.

— Подожди, мне немного осталось, — попросила она.

— Да не вопрос, — ответил я. — Пойду вздремну.

— Лучше умойся и побрейся пока, — решила укрепить позиции Катя.

Мне было абсолютно пофигу, кто здесь главный, пока федералы не знают об украденной свинобабке. Так что я не стал спорить, а отправился в ванную. Из обоих кранов текла чуть теплая вода. Это был отнюдь не худший вариант — и я даже с некоторым удовольствием поелозил по телу мыльной губкой, затем сполоснул грязную пену со стенок ванны и побрился.

Из зеркала на меня смотрел изможденный человек лет на пять старше, чем тот, кого я видел до свинобабки — месяца два назад. Среди длинных черных волос попадались седые, тонкие губы превратились в полоски, щеки впади, а серые глаза словно провалились вглубь и смотрели оттуда настороженно.

— Прорвемся, братишка? — поинтересовался я у отражения. Оно молчало, тупо и преданно глядя на меня.

От этого стало вдруг так противно, что я, даже не вытираясь, прошел в коридор, где снял с веревки чистую одежду и с трудом натянул ее на влажное тело.

— Дурак ты, Степанов, — укоризненно заявила наблюдавшая за процессом Катя.

Я не стеснялся ее — во-первых, потому что мы все равно были когда-то вместе, а во-вторых, я хотел ее слегка уязвить этим. Глупо, конечно.

Свинобабка, сидевшая в углу коридора, увидеть происходящего не могла, так как не имела глаз. Однако она водила пастью то влево, то вправо, чувствуя, что хозяин собирается уходить, и тихонько подвывала. Даже вой у нее был словно веселый, бодрый такой, похожий на старые советские марши. Но, вслушавшись, я вдруг понял — еще пять минут рядом с этим монстром, и я повешусь, если, конечно, найду на чем.

Свинобабке я оставил длинную сухую ветку толщиной в мою руку. Не слишком питательно — но на пару дней точно хватит, чтобы не умереть с голоду.

В метро мы не полезли — я, конечно, рискованный парень, но не настолько. Поехали надземкой, четыре станции в комфортных сириневых креслах, в которых главное — не заснуть. Иначе рискуешь потом недосчитаться почки, легкого и половины печени, при том что администрация ответственности не несет — о чем предупреждал красочный плакат перед турникетами.

Спустившись со станции надземки, мы прошли несколько кварталов — здесь было чисто и спокойно, вдалеке дворник-таджик выписывал круги на уборочной машинке.

За два светофора до въезда в Химки я достал ноутбук и долго выслеживал серую полосу. Уличные полосы быстрее и меньше размером, и чтобы попасть в них розеткой, нужно быть в хорошей форме, а я в последние месяцы мало двигался, и мой рацион не блистал разнообразием. Современные шнуры часто делают со специальным шупом, который удобно втыкать в землю или стену, но у меня был дорогой ноут, а самые богатые люди обычно подключают свою технику в нормальные разъемы.

Однако повезло — я удачно воткнулся, полоска застыла в экстазе, отдавая лэптопу накопленную энергию.

— Что мы здесь делаем? — поинтересовалась Катя.

Ее нервировало то, что мы занимались незаконной деятельностью на глазах у десятков прохожих в двух кварталах от правительственного района.

— Мне нужно подсоединиться к дорожной сети, чтобы включить красный в тот момент, когда в Химки поедет инженер-сантехник, — ответил я. — И прекрати озираться. Человек, который на виду у всех работает на дорогом ноутбуке посреди города, не вызывает подозрений, если он достаточно нагло себя ведет. Я прикидываюсь техником из правительственного квартала, они почти никогда не носят форму, потому что рассчитывают продать ее, как только им выдадут новую.

Бай-фай поймался почти сразу. Это вам не гадский Арбат с его бомжатниками! Скрипт взломал пароль и прикинулся своим, других два скрипта почти мгновенно вскрыли дорожную сеть — защиту, взломанную мною утром, пока не обновляли.

— Значит так, — я повернулся к Кате, — через двадцать минут сюда придет фургон и встанет на красный свет. Ты занимаешься сантехником, я проникаю внутрь. Затем я с помощью ноутбука на батарее отвлекаю водителя, а ты засакиваешь ко мне. У тебя будет две минуты, не больше — батареи в Москве долго не держат. Ясно?

— А как мы проедем проходную? — поинтересовалась она.

— Я смотрел расписание, девяносто процентов за то, что нашу машину поведут через автоматический шлагбаум, жажнут «светилокой», убедаясь, что бомб нет. Заберемся поближе к кабине, там более-менее экранировано, мозги не выжжет.

Девушка с недоверием посмотрела на меня. Да, план был не идеален, но, в конце концов, если она хочет помочь подруге, то должна понимать, что без риска не обойдется.

Катя медленно кивнула. Она стояла рядом со мной, как наблюдатель, а я лазил по сети и высматривал домик где-нибудь подальше, в «чистой» зоне. Свинобабку в квартире обнаружить проще некуда, и если я хочу жить спокойно, то надо думать о переезде.

Водопроводчика я чуть не проворонил. Если б Катя не пнула меня, так бы и сидел в позе лотоса, пока наш оптимальный шанс проезжал бы мимо.

С зеленого я сразу, без миганий и желтого, переключил светофор на красный. Фургон даже не замедлил ход, однако я предполагал подобную возможность, поэтому активизировал фотоаппарат и вспышку на дальнем светофоре.

Водопроводчик остановил машину сразу за перекрестком. Таковы правила: увидел вспышку — стой. Иначе любой полицейский имеет право открыть огонь по твоему автомобилю без предупреждения. А они в последнее время стали очень нервными и фразу «имеет право» в подобной ситуации воспринимают как «обязан».

Я, не торопясь, перешел улицу на свой зеленый, прошагал к водительской двери, дождался, пока опустится скосбочечное стекло, и сказал потному усатому мужичку:

— Могу удалить снимок с нарушением, проезд на красный свет. Пять тысяч или маленькая услуга.

Водопроводчик смотрел на меня с ненавистью. Запрошенная сумма была его месячным заработком, и он наверняка не имел таких денег при себе. Потерять права он не мог, его бы сразу уволили. А значит, он оказался полностью в моей власти.

— Чего надо? — грубо спросил он.

— Мою сестру ее шеф забыл на этой стороне, — пожаловался я. — Она состоит при важном человеке. И если она не вернется, ее уволят за нарушение пропускного режима, шеф все равно свою вину не признает.

Стандартная история, все как обычно. За порогом стоят одиннадцать миллионов москвичей и сто восемьдесят миллионов россиян, каждый из которых готов встать в строй взамен выкинутого. И на место водопроводчика тоже тянется очередь.

— Пусть садится, — чуть добрее сказал мой собеседник.

— И меня возьми, хочу убедиться, что не обманешь.

— Тебя — туда и обратно? — уточнил водопроводчик. Я кивнул. — Ладно, забирайтесь.

Я сделал знак Кате, стоящей чуть поодаль. Мы залезли в кабину — вначале я, затем она. Пусть наш водитель думает, что в Химках выйдет только одна пассажирка.

На проходной усталый регулировщик отправил нас к автоматическому шлагбауму — к пропускному пункту с солдатами стояло полтора десятка виповских автомобилей. Их проверяют по старинке — а нас просветят вредным излучением.

Впрочем, к моему изумлению, нас даже не облучили.

— Перебои с энергией, — пояснил повеселевший сантехник. — Каждая третья машина проходит без проверки.

Едва мы въехали внутрь, как я открыл на ноуте окно с фото-снимком и на глазах у нашего водителя удалил нарушение из базы данных.

А потом мы вышли из автомобиля — и, кажется, мужик был даже рад тому, что я не остался с ним. Мы оказались в Химках — элитном районе Москвы. Именно здесь решалась судьба города и — во многом — судьба всей страны, хотя Зауралье не всегда было готово выполнять приказы из центра, и, по моему ощущению, до раскола государства оставалось немного.

По периметру Химки стеной окружали высотные дома. Здесь жили солдаты, охрана, обслуживающий персонал — из самых доверенных. А внутри стояли коттеджи, утопленные в садах, больше напоминающих лес.

— Это же морковное дерево! Какое огромное! — восхищенно произнесла Катя, просовывая руку сквозь ажурную решетку ограды. — Ой!

— Током ударило? — сочувственно поинтересовался я. — Здесь не любят чужих глаз, чужих ушей и уж тем более — чужих рук. А морковные деревья вырастают до пятнадцати метров, и потом с них можно срезать мякоть сколь угодно долго. Это в низших районах морковку выдергивают, едва ботва появляется над землей.

Внутри Садового кольца вообще тянут из земли и жрут все что угодно — едва это «что-то» вылезает из земли или из стен. Травятся часто, конечно. Но работы мало, а людей много...

Прохожие все были хорошо одеты. Я порадовался тому, что Катя постирала мою одежду — иначе я точно выделялся бы на

фоне аккуратных аборигенов, как ассенизатор после работы на коктейльной вечеринке.

— Куда мы идем? — поинтересовалась девушка.

— Семнадцатый коттедж, — ответил я небрежно. — Это в глубине Химок. Муниципального транспорта здесь нет — все, кому надо, имеют свои автомобили, а об остальных заботиться не принято, они и так счастливы оттого, что у них есть работа.

Идти было не близко, и пока мы шагали, Катя рассказала о себе. Она работала официанткой на заводе, производящем одежду, слесарный инструмент и другие изделия из пластика. У них трудилось двадцать техников, полторы тысячи программистов и шестеро инженеров, не считая администрации.

— С механиками поговорить хоть можно, — рассуждала она. — А программисты — такое, извини за выражение, быдло! То за попу норовят ухватить, то рассказать о каком-нибудь преобразовании, которое заставляет станок делать вместо шапок гигантские презервативы.

— Я, между прочим, тоже программист, — отметил я холодно.

— Ты — в первую очередь мошенник и лентяй, — легко опровергла мои слова Катя. — А вообще, из полутора тысяч действительно гадких от силы пятьдесят, но из-за них и все остальные кажутся козлами.

— Ты хоть раз видела настоящего козла? — поинтересовался я.

Вопрос был с подвохом. Все домашние животные, кроме выведенных искусственно, передохли еще в первой четверти двадцать первого века. Дикие частично выжили, хотя и их популяцию серьезно проредил целый каскад техногенных катастроф.

— Я сейчас иду рядом с таким, — внезапно обиделась Катя. — Долго мне еще терпеть тебя?

— Пару минут, — ответил я. — Вон там, за клубничной рощей, должен быть наш дом.

Миновав ароматно пахнущие деревья, я оглянулся в поисках серой полоски. Мне нужно было воткнуть розетку, чтобы взломать высокие, сделанные под черное дерево резные ворота.

Но я не учел одного — в Химках поддерживали низкий уровень аномалий, а значит, электричество получали от генераторов. Здесь некуда было подключиться простому программисту-мошеннику.

— И что теперь? — поинтересовалась моя спутница. — Есть план?

На такой случай плана у меня не было. Мы отошли в сторону от дороги, стараясь не прижиматься к высокому забору из белого камня.

— Здесь живет Астахов, помощник президента, — сказал я. — Кроме него десятка два секретарей и референтов. И еще с полсотни человек обслуги, в том числе твоя Снежана. Проникнуть внутрь мы не можем, однако...

И в этот момент на коттедж началось нападение. Пять или шесть воздушных мотоциклов вынырнули с боковой улочки, паря в метре над землей, перед воротами низко просели, а затем взлетели ввысь, один за другим перемахивая над широкими створками.

— Это Костя, друг Снежаны, — сказала Катя.

— Чтоб меня так спасали, — проворчал я.

Изнутри раздались выстрелы, вдалеке завывла сирена — видимо, на территорию Химок байкеры проникли не вполне официально.

— Валим отсюда, — предложил я.

Однако мы не успели. Буквально через несколько мгновений вся территория вокруг коттеджа оказалась заполнена мотоциклами охраны и патрульными машинами. На нас, к счастью, никто не обращал внимания.

Ворота открылись, и полицейские вместе с частной охраной спокойно вошли внутрь, затем туда же вбежали работники подъехавшей «скорой».

— Один... два... три... — начал подсчет я. — Шесть.

Судя по тому, что обращались с то ли ранеными, то ли мертвыми без пиетета, это были Костя и его друзья.

— Все? — грустно спросила Катя. — Мы не сможем теперь спасти Снежану?

— Почему же? — спросил я. — Именно теперь — сможем. Делай уверенное лицо и иди вперед, не оглядываясь.

Я пошел первым. Достал ноут, включил загрузку и сделал вид, что увлечен работой. Для obsługi я был частью охранной системы Химок, а для полицейских — одним из обитателей коттеджа. Я не видел, как шла Катя, но, судя по тому, что на нас не обращали внимания, она вела себя соответственно.

Во внутреннем дворе валялись шесть мотоциклов, вокруг одного из них разлилась на белой брусчатке уже присыпанная песком лужа крови.

Двое экспертов в пластиковых халатах что-то усердно записывали в наладонники, несколько полицейских делали какие-то специфические замеры с помощью лазерных проекций.

Никто не обратил внимания на то, что мы прошли тридцать метров от ворот до входа в дом, а затем проникли сквозь открытую дверь.

Катя направилась было в центральный холл, однако я дернул ее за собой — мы зашли через узкую дверь для прислуги на кухню. Здесь никого не обнаружилось, и я наконец смог найти розетку и подключить свой ноут.

Компьютер легко зацепился за местный бай-фай, защита дома была направлена против проникновения извне, а внутри оказалась такой простенькой, что я смог бы взломать ее даже без помощи скриптов, чуть ли не простым перебором.

— Снежана на третьем этаже, в библиотеке, — сказал я больше для себя. — Я поставил на ноут метку «хозяин», как у наладонника Астахова, теперь нам открыты все двери. Пойдем по внутренней лестнице, есть шанс ни на кого не напороться.

Однако едва мы пробрались через кухню, как в дверях столкнулись с двумя поварами. Они оторопело уставились на нас, однако я уверенно прошел мимо.

Затем, уже на узкой винтовой лестнице, мы с трудом разминулись с полным мужчиной в недорогом костюме-«тройке». Он тоже проводил нас подозрительным взглядом, но ничего не сказал.

А войдя в библиотеку, обнаружили не одну Снежану, а вместе с самым Астаховым, которого я несколько раз до этого видел на громадных экранах рядом с президентом.

— Вы из полиции? — нервно поинтересовался политик. Высокий благообразный старик с вызывающим доверие лицом смотрел мне прямо в глаза.

— Нет, мы за Снежаной, — вышла из-за моей спины Катя и направила на Астахова пистолет. Я стоял рядом и видел, что это дешевый муляж.

— Сереженька, все не так, как ты думаешь, — зачистила Снежана, выскакивая перед Астаховым так, чтобы закрыть его от нас.

Катя еще пыталась сообразить, что происходит, но для меня все уже было ясно. Начиная с того, что Снежану никто не держал здесь как пленницу, и заканчивая тем, что я никогда не спал с Катей — все, что ей было обо мне известно, она знала от своей подруги.

Именно со Снежаной я провел несколько ночей около года назад и помнил ее превосходно — хитрая и наглая девка, представившаяся мне Аней и прикидывавшаяся ангелочком. Она была во многом такой же, как я, — неглупой авантюристкой. Однако в отличие от меня она не ленилась и не обладала даже подобием принципов.

Я выставил ее из квартиры после того, как она предложила мне дело, которое могло кончиться смертью десятков тысяч человек и дать нам баснословную прибыль, достаточную для того, чтобы на всю жизнь перестать думать о деньгах.

Я откажался и выгнал ее. Но она помнила, что есть в Москве такой человек, который может при необходимости взломать любую сеть, и уговорила подругу обратиться ко мне, если с самой Снежаной что-то случится. Точно так же, видимо, она поступила и с байкером Костей, который по ее вине сложил голову и подставил друзей.

— Отойди, Снежана, — попросил Астахов. — Девушка, опустите пистолет, Снежане ничего не угрожает. Я в любой момент могу активизировать защиту, и за долю секунды библиотека заполнится пеной, в которой можно дышать, но не двигаться.

Я простонал. Естественно, у одного из первых лиц государства должна быть хорошая защита.

— Насколько я понимаю, вы друзья Снежаны, — продолжил политик. — И это еще раз подтверждает то, что я в ней не ошибся. Ее осудили несправедливо, и в своей апелляции она просила разобраться в ситуации. По долгу службы я рассматриваю подобные документы...

— Помощник президента рассматривает дела проституток? — вырвалось у меня.

— В смысле? — поднял брови Астахов. — Ее приговорили к смертной казни за двойное убийство, которого она не совершала. Я поговорил со Снежаной, и она абсолютно меня в этом убедила.

Я взглянул на Катю. Девушка была бледной, и ее лицо выражало полное непонимание. Ну что ж, она оказалась в хорошей компании — Снежана обманула всех присутствующих.

— Катенька, я хотела позвонить тебе и сказать, что все хорошо... — начала Снежана, но Астахов перебил ее:

— Она находится здесь под моей личной ответственностью и не имеет права звонить или отправлять сообщения.

— Так мы пойдем? — робко спросил я.

— К сожалению, не все так просто, — помрачнел политик. — Сегодня очень важный для меня день, а из-за этого дурацкого нападения террористов все может пойти насмарку. Я предлагаю вам остаться с нами на несколько часов, а затем мой пилот высадит вас на той станции надземки, которая будет вам удобнее.

— Хорошо, — кивнул я и почувствовал сильный тычок локтем от Кати. — Мы согласны.

— Вот и отлично, — улыбнулся Астахов.

Я не хотел признаваться себе в этом, но он мне нравился. В нем не чувствовалось прилизанной слащавости, эдакой выхоленной породистости, свойственной большинству политиков. Он понимал, что стар, не пытался молодиться и был совершенно естественен.

Он говорил то, что думал, — ну или притворялся настолько искусно, что разница между правдой и ложью стиралась абсолютно.

Помещение библиотеки с громадным количеством книг, дисков и бай-файных информационных меток на стеллажах было создано в старинном, под двадцатый век, стиле сталинского ампира.

Запивая чаем барбарисовое печенье, я думал, что мне здесь нравится все, кроме Снежаны. Разочаровывать старика и рассказывать ему о том, что она — коварная тварь, я боялся. При прочих равных он поверит скорее ей, чем мне.

Сама девушка вела себя скромно и спокойно, на вопросы старалась отвечать односложно и всем видом показывала, какая она хорошая, чистая и непорочная.

— Ладно, все равно я сегодня исчезну, — вдруг усмехнулся Астахов. — Давайте я вам расскажу одну из самых охраняемых тайн на этой планете.

— Не надо, — попросил я.

— Не стоит, — потупилась Снежана.

— А мне интересно, — заявила вдруг Катя. Ей происходящее нравилось не больше, чем мне, но опыта у нее было гораздо меньше, и я чувствовал, что она близка к тому, чтобы сорваться и наделать глупостей.

— Вы знаете, что в результате ряда экспериментов, а затем попыток устранить их последствия многое на Земле изменилось, и не в лучшую сторону, — начал Астахов с банальностей. — Мы смогли избежать топливного кризиса, победили голод и войны в самых страшных их проявлениях, однако новый враг поселился прямо в наших жилищах. Этот враг — нестабильность реальности. Мы можем локально бороться с аномалиями, как, например, здесь — в Химках. Но даже в моем доме случается всякая чертовщина. Серебряные ложки становятся глиняными, в огороде вырастает авиационная мина с ядерным зарядом, повар слепнет ни с того ни с сего на несколько дней. И это всего лишь за год!

— Я был бы счастлив, если бы в моем доме аномалии происходили так редко, — отметил я.

— Да, центр Москвы экранируют гораздо хуже, особенно трубы внутри Садового кольца, — согласился Астахов. — Так вот, в Центральной Африке уже одиннадцать лет как есть территория, практически не тронутая нестабильностью. Кодовое на-

звание — «Райские кушчи». Ее экранируют силами шестнадцати крупнейших государств. И те люди, которые многое сделали на благо планеты, имеют возможность инсценировать свою смерть и переехать туда. Там живет много ученых и политиков, некоторые деятели культуры. Там ананасы растут над, а не под землей, как у нас. Там тихо и спокойно, и, засыпая в своей постели, ты просыпаешься в ней же. Я получил два билета туда. Однако моя жена отказалась оставить политику, она не смогла бы жить в тихом месте. Кроме того, — вам я могу признаться — уже лет десять или даже больше мы интересуем друг друга только как коллеги и сподвижники.

— Сережа пригласил меня присоединиться к нему, — вмешалась Снежана.

— Мне нужен хороший человек рядом, — словно извиняясь, улыбнулся Астахов. — Обратного пути не будет. Мы сможем отсюда следить за происходящим в мире, однако связаться с оставшимися в нестабильной части Земли нам не удастся. Ученым для получения чистых данных нужно, чтобы мы не имели выхода к вам. Ходит слух — среди посвященных, конечно же, — что там открыли секрет вечной молодости. Мы станем подопытными кроликами на благо человечества. Господи, я еще помню, кто такие кролики!

Астахов закрыл лицо руками. Он хотел убраться отсюда, и я не мог его винить.

— Сергей Викторович, пора. — В библиотеку вошел жилистый молодой мужчина в форме пилота гражданской авиации.

— Да, Миша, я сейчас — чуть не забыл оставить некоторые распоряжения. Вы позволите?

Последняя фраза была обращена к нам — ко мне и к Кате. Я кивнул, моя спутница никак не отреагировала. Едва Астахов удалился, она холодно спросила у Снежаны, где здесь туалет, и прошла за указанную ей небольшую дверь.

— Степанов, у тебя есть последний шанс, — быстро проговорила Снежана, едва Катя вышла. — Не перебивай. То место, в Африке, — это рай непуганых идиотов. Билеты не подписаны, ими награждают, а награжденный может передать кому угодно.

Поехали со мной, Астахова даже убивать не надо, он такой глупенький, что я смогу убедить его отдать второй билет тебе.

— А зачем тебе я?

— Ты умен, талантлив и хорош в постели. — Снежана всегда умела льстить. — Я сделаю тебя королем того мирка. Ты будешь королем в раю! Ну, быстро решай!

Она не обладала внешностью фотомодели — но в ней чувствовалась какая-то изюминка, кроме того, она была превосходной актрисой.

И еще — хладнокровной стервой, готовой на любую подлость. Я не смог бы ей доверять, а значит, в конце концов все свелось бы к тому, кто кого кинет первым. И — насколько жестко.

— Нет, Снежана, — ответил я.

— Жаль, — усмехнулась она. — Ты лишил меня шанса красиво отомстить тебе за то, что выставил меня тогда.

Через пару секунд из туалета вышла Катя, затем роскошное — едва ли не больше, чем вся моя квартира, — помещение для справления нужд посетил я.

Выйдя, я обнаружил, что Катя сидит спиной к Снежане, а та пальцем двигает по столу мой ноутбучный рюкзак. Через минуту нас позвал Астахов. Он был собран, деловит и явно предвкушал грядущее приключение.

Мы прошли на вертолетную площадку. Правительственный вертолет внутри больше напоминал зал заседаний, чем знакомые мне вертолеты общественного транспорта с обшарпанным пластиком и погнутыми поручнями.

Окон в конструкции не предусмотрели, но можно было включить экран и видеть, что происходит снаружи, — вот только Астахов попросил нас этого не делать.

— Мне-то уже все равно, — пояснил он. — А вот вам, пожалуйста, лучше знать как можно меньше.

Летели мы часа два, в основном молча, хотя иногда Снежана что-то шептала Астахову, и он при этом мечтательно улыбался. Катя мрачнела все больше и незадолго до посадки тихо сказала мне:

— И мы позволим этой твари получить все?

— Да, — кивнул я. — Поверь, она найдет яму, которую не сможет перепрыгнуть.

Если честно, я отнюдь не был в этом уверен.

Затем мы сели. Старик, поднявшись, чтобы выйти, внезапно схватился за сердце, но тут же махнул рукой — мол, все нормально.

Мы с Катей остались внутри, а они со Снежаной вышли из вертолета. Затем к нам заглянул пилот Миша и спросил:

— Вас куда?

Я все еще не мог поверить, что нас отпустят. Но Астахов, видимо, навсегда попросился с этим миром. Ему было уже плевать на все, он шел к своей мечте, туда, где без разницы, что происходит с нами, простыми смертными: со мною, с Катей, с мэром Москвы, с президентом Российской Федерации и всеми остальными.

Еще через два с половиной часа мы вышли на вертолетной площадке станции надземки «Арбат». Закидывая на плечо рюкзак, я отметил, что он вроде бы стал чуть легче.

А выйдя на улицу, быстро открыл его — и увидел, что в отделении для ноута лежит томик О'Генри. Снежана украла мою рабочую машинку! Со всеми скриптами и обложками, написанными за последние года три. Со всем тем, что помогало мне держаться на плаву и взламывать самые защищенные сети, оставаясь при этом незамеченным.

— Сукина дочь, — пробормотал я.

— Кто? — поинтересовалась Катя.

— Снежана!

Свинобабка встретила нас довольным урчанием. Она светила счастью, чего нельзя было сказать обо мне и моей спутнице.

— Ты понимаешь, что она способна натворить с твоим ноутбуком? — орала на меня Катя. — Если у Снежаны получится войти в него, а ты сказал, что она достаточно образованна, чтобы сделать это, то она может нарушить весь ход эксперимента! Ученые бьются над вечной жизнью, пытаются превратить наше

гетто в нормальный мир, а мы позволили Снежане с твоим ноут-буком отправиться к ним!

Я, если честно, плевать хотел на ученых и их эксперименты. Но без ноутбука я был обречен на месяцы упорной работы — повторной работы, что казалось самым неприятным.

— Что дальше? — спросила Катя.

— Для начала мы напьемся, — сообщил я. — Потом переспи. А утром я выставляю тебя за дверь и буду страдать.

— Дурак ты, Степанов, — обиделась Катя.

В первом приближении ее план выглядел так: я каким-то образом нахожу перевалочную базу ученых, на которую отвезли Астахова и его спутницу. Затем мы едем туда и сообщаем заинтересованным лицам о том, что Снежана — особо опасна. И наконец расходимся каждый в свою сторону.

— После того как нас расстреляют, — отметил я. — Астахов же сказал — вот-вот инсценируют его смерть, а значит, то, что он жив, — государственная тайна, знать которую мы не можем. Кроме того, если я признаюсь в том, что ноутбук — мой, то меня ждет двадцатилетняя экскурсия на каторгу — в нем хватает улик.

Мне хотелось выпить. Хотелось вытащить из живота свино-бабки ломоть мяса, обжарить его в кухонном программаторе, насадить на вилку и сожрать, запивая самогоном, разбавленным вишневым соком.

И совсем не хотелось возвращаться к истории своего самого дурацкого поражения. Снежана могла вообще выкинуть ноут в ближайшую мусорку — я подозревал, что ее целью было отомстить мне. И сразу могу сказать: ей это удалось.

— Не сдавайся! — заорала Катя. — Снежана говорила, что ты гений! Взломай их сеть, проберись к ним, укради свой компьютер — может быть, они еще никуда не улетели, а ждут транспорт в Африку!

Я глубоко вздохнул. Если они не улетели, то шанс оставался. Ворваться на секретную базу, отобрать свою вещь у стервы и оставить ее там проигравшей — в этом был смысл!

Достав с полки в туалете свой старый ноут, я минут пять вспоминал пароль, затем плаунул, разобрал его и обнулil BIOS, после чего легко запустил машинку.

Развернул новую операционку, с первого раза обнаружил положение, в котором ноут поймал бай-фай, и начал работать. Я разыскал ТГХ вертолета, очертил вокруг коттеджа Астахова округность, на границе которой должна была находиться переломная база, нашел шесть объектов, из которых постепенно забраковал два, потом еще два, и в конце концов у меня осталась только одна точка на карте — биологическая лаборатория.

Работать на старом ноутбуке, на котором невозможно подстроиться под себя клавиатуру и который мог задуматься на долгую секунду после просьбы обновить страницу, казалось непривычным, но в целом — реальным. Хуже всего оказалось то, что приходилось оперировать только разрешенными данными — о том, чтобы вскрыть правительственную сеть, не могло быть и речи. Защитные технологии с тех пор, как я включал эту машинку в последний раз, ушли слишком далеко.

— Сиди здесь, — сказал я Кате. — Нет, я пойду один — ты будешь обузой.

Я вскрыл свой тайник в заколоченном электрошитке на лестничной площадке и достал оттуда спрятанное на черный день оборудование.

Дорога до биологической лаборатории заняла шесть с половиной часов. Из них полтора я провел в Московском метрополитене имени Ленина, и это было не самое приятное время в моей жизни — но я выжил и даже не получил особо серьезных травм, зато выиграл минут сорок.

Потом я ехал в автобусе и надземке, а последние восемь километров пробежал на квазироликах напрямик через лес. Уже стемнело, а линзы давали возможность видеть окружающее без детализации, и я чуть было не свалился в болотце-аномалию, но вовремя успел отпрыгнуть, почувствовав усилившуюся гравитацию.

Лаборатория стояла посреди леса, и никаких дорог к ней не вело. Все, что нужно, сюда доставляли по воздуху — и точно так же увозили. Я тронул тестером проволоку ограждения — электричество не подключено.

Зато здесь было старое доброе поле Янсена. Через него легко можно пройти, если делать это медленно. Чуть занервничаешь, дернешься — и оно обхватит тебя плотно, как смола, и останешься висеть мухой в янтаре.

Я надел пластиковые перчатки и полез вверх. Медленно, аккуратно. Естественно, охрана видела меня — но я знал, что ни один российский охранник не упустит возможности посмотреть, как человека хватается поле Янсена. Они будут делать ставки, рассматривать эмоции на моем лице и смеяться над моей тупостью — но до последнего момента не попытаются схватить.

На то, чтобы перелезть и пройти два метра поля, у меня ушел почти час. Почувствовав, что вот-вот вырвусь, я остановился и достал из рюкзака стеклянный контейнер. Я уронил его на землю и медленно наступил, чувствуя, как подошва давит осколками.

А в следующий момент я взлетел. Потому что в контейнере была гравитационная аномалия — в свое время я выложил за нее двадцать тысяч. Гравитационные аномалии, так же как и серые полосы, мигрируют, но в отличие от серых еще и склонны к чему-то вроде любопытства. Насколько я знаю, всего их было поймано в Москве не больше десятка, и то, что одна из них попала ко мне, — чистое везение, подкрепленное звонкой монетой.

Едва я взмыл в воздух, всюду зажегся свет и завывла сирена. Из развлечения я стал для охраны проблемой и головной болью. Отталкиваясь от воздуха с помощью приводов роликов, я пулей пролетел метров сорок вдоль забора, а затем со всего маху шлепнулся в высокую траву и побежал. Сзади уже орала люди, но они не видели меня.

Я вытащил белый халат из дорогого пластика и на ходу накинул на себя поверх одежды и рюкзака. Электроника внутри халата просчитала варианты, решила, что рюкзак — это горб, и скрыла его, повинуясь программе «красота».

Вокруг были длинные серые одноэтажные здания, около некоторых пахло навозом.

Из одного из них выбежал человек в халате, похожем на мой.

— Что случилось? — крикнул я ему.

— Проникновение! — ответил он. — Черт, если это опять учебная тревога, я убью Максакова!

— Готов помочь вам! — крикнул я вслед ему, и он махнул рукой — то ли отказываясь, то ли приглашая меня поучаствовать в расправе.

Я побежал за ним, отставая буквально на полшага. За те полторы сотни метров, которые мы пронеслись рядом, пару раз нам навстречу выскакивали охранники, но, признав моего спутника, тут же отбежали в сторону.

Наконец мы добрались до двухэтажного белого здания.

— Ахметов к Максакову! — грозно крикнул мой спутник двоим охранникам на входе, и они разошлись в стороны.

Я хотел вбежать следом, но передо мной стражи сомкнули плечи, и я едва не уткнулся в них носом.

— Тоже хочешь к Максакову? — поинтересовался один из них.

По ленивой плавности движений я понял, что передо мной модифицированный. Скорее всего — из десанта. В драке против него у десятка таких, как я, не было ни единого шанса.

— Да нет, в общем, — ответил я небрежно. — Тут подожду.

А через минуту рядом образовалось еще несколько модифицированных. Они с подозрением смотрели на меня, но десантник на входе сказал:

— Он с Ахметовым.

И это всех, включая меня, устроило. Однако, когда я хотел было отойти в сторону, охранник у дверей смерил меня таким взглядом, что я понял — лучше подождать Ахметова.

По улочкам лаборатории бежали только охранники. Ни одного ученого или гражданского. Минут через пять из здания вышел Ахметов. Он скользнул взглядом по охранникам, хмыкнул, а затем полубоялся меня за плечи и увлек в сторону одноэтажных зданий.

— Слушай меня внимательно, мой маленький, но очень глупый шпион, — сказал он мне негромко, но внятно. — Сейчас я проведу тебя в корпус, из которого ты через эвакуационный выход сможешь отсюда выбраться. Мне плевать, на кого ты работаешь — на монголов, на господина президента или на корпорацию

«Хонда-Лада». Но если ты уйдешь, то у Максакова, который в последнее время неизменно меня бесит, будут проблемы. А если я тебя сдам — то у него появится медаль и чин подполковника, что меня ну никак не устраивает. Ты понял?

— Я хочу получить свой ноутбук, — пошел я ва-банк.

— Чего? — оторопел мой собеседник.

— Сегодня к вам прилетел какой-то седой дед и девушка с ноутбуком. Ноут она ukrала у меня, — сказал я. Может быть, Ахметов решит, что я ничего не знаю, и отдаст мне мою машинку?

— Ага, — задумался ученый. — Интересно. Так это твой ноут?

— Да, — кивнул я.

— Ну, тогда я, наверное, все же сдам тебя Максакову, — грустно сообщил Ахметов. — Потому что мне очень понравился твой ноут, и я уже поставил на него семнадцатых «Героев».

Я оторопел, но в следующее мгновение ученый хлопнул меня по спине и заливисто расхохотался.

— Шутка! «Героев» я и вправду поставил, но сдавать тебя не собираюсь. Так ты сюда за ноутбуком полез?

— Ну и попытаться отомстить той девушке, — признался я. — Но это не главное. И, кстати, мне достаточно будет некоторых данных с ноута. А саму машинку могу оставить.

— Мсть — штука полезная, — медленно произнес Ахметов.

Он шутковским жестом открыл передо мной дверь лаборатории, при этом небрежно прикоснувшись лацканом к считывающему устройству на косяке.

Я вошел внутрь. Это был абсолютно чистый, сияющий в свете мощных ламп белоснежный ангар.

— Значит, ты хочешь отомстить Снежане? — поинтересовался Ахметов, стоя чуть позади меня.

— Это не так важно, как программы, — отмахнулся я.

— К сожалению, Снежана уже подотчетная, — грустно сказал ученый. — Кстати, та еще оторва. Чуть не убедила меня, что все можно переиграть. Но она уже вышила сок с маркерами, и я точно знал, сколько в ее речах правды. Ни единого слова.

— Они улетели? — спросил я, делая вид, что мне это безразлично.

— Можно и так сказать, — ответил Ахметов. — Ладно, пойдем, я покажу тебе семнадцатых «Героев».

Мы вошли в лифт. Я прикинул по изменению силы тяжести скорость и считал секунды — получилось, мы спустились метров на двести.

Сразу за створками лифта была дверь с кодовым замком, на котором мой спутник быстро отщелкал код, глянул в считыватель сетчатки, а затем сунул ладонь в открывшуюся дыру и поморщился.

— Сука Максаков со своей долбаной секретностью, — пояснил он, когда дверь с явственным хлопком перепада давления распахнулась.

За ней была стандартная жилая квартира — разве что вместо окон здесь висели широкоэкранные мониторы с видами пейзажей в разных странах.

Обычная трешка, в меру захламленная, с просиженным креслом напротив компьютерного стола и незаправленной постелью в дальней комнате — дверь туда Ахметов захлопнул перед самым моим носом.

— А вот твой ноут, — протянул он мне машинку.

Я открыл ее — пароль стоял уже другой, но я нажал комбинацию клавиш и вошел в систему.

— Ловко, — удивился ученый.

Вбив пароль своего старого ноутбука, я быстро перекачал по бай-фаю всю нужную мне информацию, а затем запустил программу чистки. Она даже не удаляла мои скрипты — а просто слегка меняла в них код так, что вычислить первоначальный вариант потом не смог бы никто.

— Все, — сказал я. — Получите и распишитесь.

— Как вы меня все задолбали своей отчетностью, — расхохотался Ахметов. — Что, даже «Героев» себе не скинешь? Лицензия, наши ребята ломали, идет на любой панели.

— Нет, спасибо, — покачал я головой. — Так где здесь выход?

Ученый задумался. Я подозревал, что он обдумывает, не сдать ли меня Максакову, и надеялся только на то, что победит мстительность.

— Как ты относишься к гипнокоду? — спросил он наконец.

— Отрицательно, — ответил я мгновенно.

Нет, конечно же, гипнокод в общем смысле — это, может, и благо. Для тех, кто хочет бросить курить или стремится похудеть, для солдат, для заключенных на поселении. Но в моем конкретном случае пускать кого-либо к себе в мозг я не собирался.

— Жаль, очень жаль, — расстроился Ахметов. — Если бы ты ответил иначе, я бы дал тебе возможность насладиться мстью.

Я вышел из леса спустя полтора часа. Теперь я знал один из самых странных секретов в мире, но не мог никому его разболтать. Да, в общем, и не хотел.

В надземке я спал на полу, потому что всем известно, что делать это в удобных фиолетовых креслах опасно для жизни. Что за аномалия такая и почему она проявляется только здесь, не знал никто, но факт оставался фактом.

Домой я ввалился под утро. Катя спала, свернувшись калачиком в моей постели. Она была похожа на обиженного ребенка — надутая нижняя губа, сморщенное личико. Моя старая рубашка, которую она использовала вместо ночнушки, задралась до середины бедра. Еще недавно это послужило бы поводом к немедленной попытке опозлать сон прекрасной дамы грубыми поползновениями, но в данный момент у меня были другие дела.

Я вынул из ласково урчащей свинобабки четыре куска мяса, а затем укутал ее покрывалом и засунул в свой громадный походный рюкзак. Весила она килограммов семьдесят, не меньше, а я давно не занимался спортом — так что денек мне предстоял нелегкий.

Когда я добрался до эвакуационного выхода, Ахметов меня уже ждал. У его ног стояла большая сумка с гравиколесиками, а из нее торчала слепая пасть свинобабки.

— А много людей вообще знает? — спросил я у единственного человека, с которым блок в моем мозгу позволял говорить об этом.

— В России — около десятка специалистов и по миру еще сотни полторы, — усмехнулся ученый.

— Максаков знает?

— Нет, конечно. Он абсолютно уверен, что по средам суборбитальники уносят в Африку наших старперов, а свинобабки появляются из пробирок. Я лично считаю, что в этом есть некая сермяжная правда — в том, что политики и администраторы от науки и искусства кормят народ, который прежде всю жизнь обдирали. Обычные люди такого не заслуживают, а этих вроде как и не жалко. Ну-ка, покажи своего.

Я открыл рюкзак, и из него тут же показалась тупая морда.

— Русик Тарбаев, кинорежиссер, — узнал его Ахметов. — Скотина, каких мало, дослужился до замминистра. Ладно, бери свою Снежану и вали отсюда. Кстати, жаль, что с Астаховым так получилось.

— Да нет, не жаль, — ответил я. — Сердечный приступ в данном случае — лучший выход, учитывая, что мужиком он был неплохим.

— По мне, так все они неплохие, — проворчал, закидывая свинобабку на плечи, ученый. — Когда урчат мордой кверху.

Я взял сумку, попробовал ее на вес — гравиколесики работы исправно, неприятностей с этой стороны можно было не ждать.

— Эй, Ахметов, — окрикнул я уже уходящего с моим рюкзаком ученого. — А в Африке вообще есть это место-то, райское? Единственное нормальное, а не наша зона приключений? Ну, «Райские кущи»?

— Есть, конечно, — расхохотался он в ответ. — Но живут там более достойные люди. Африканское племя, каннибалы, отличные ребята.

По дороге домой я рассуждал, как объяснить произошедшее Кате. Правду сказать ей не мог, даже если бы очень захотел, а лгать надо было как можно убедительнее.

И еще я чувствовал, что пора сваливать из Москвы куда-нибудь на Урал, а то и подальше. А что? Устроюсь там программистом на завод, стану зарабатывать деньги — учитывая, что в доме свинобабка, и на еду особо тратить не придется.

А Катя... Хорошая девчонка. Надежная, честная. И красивая.

Главное, не выставить ее в очередное мерзкое утро...

Впрочем, не исключено, что именно с ней я буду просыпаться с удовольствием?

В сумке радостно урчала Снежана.

Примечание автора

Это странное и нелепое «завтра», к которому мы уверенно идем сегодня. Мир, где программист — рабочая специальность, потому что скоро даже для профессиональной уборки необходимо будет владеть навыками программирования моющих пылесосов.

Мир, в котором окружающее пространство — после того как его попользовали мы, разумеется, — стало настолько неуютным, что об обычном куске земли, на котором действовали бы обычные законы физики, остается только мечтать.

Мир, который на самом деле почти не отличается от нашего, потому что живут в нем точно такие же люди. С такими же желаниями и стремлениями, с такими же бедами и радостями.

Это — мир, настолько же абсурдный, как наш с вами. В нем — как и здесь — одни желают продать что угодно, чтобы подняться над остальными, — а другие мечтают о том, чтобы всем вокруг было хорошо или, если не получается всем, то хотя бы самым близким.

Зргр

Площадь Сотни Храмов в Эндусе знает каждый. И во всех семнадцати королевствах знают. И даже далеко за их пределами!

Дело совсем не в ее размерах — хотя площадь имеет ширину в полторы тысячи локтей и длину в две.

И не в том, что ее края выше, а центр — ниже, как в приличных амфитеатрах, и это, при высоком помосте, дает людям возможность видеть происходящее на площади из любого ее конца.

И даже не в том, что там действительно сто храмов и в каждом время от времени появляется божество, демонстрируя чудеса и даруя людям какие-нибудь магические вещи, облегчающие жизнь.

А дело все в том, что каждые десять лет один из храмов рушат и в тот же день появляется новое божество — из хорошо забытых старых, — которое и определяет на следующие десять лет судьбу всего мира.

Марик, подгоняя ослика, вышел на площадь как раз ко второй страже, когда все порядочные горожане еще сладко спали, а некоторые вообще только ложились.

Но то — порядочные. А вот, например, нищие уже вторую неделю окружали помост, отлучаясь только по нужде и каждый раз по возвращении устраивая долгие разборки.

Часы на храме богини Аттикс отбили третью стражу, когда из-под помоста служители Вечного Жреца потащили толстенные шланги. Нищие заголосили, прекрасно зная, что им предстоит основательное мытье — не оставлять же посреди праздничной площади эту грязную, вонючую толпу! И действительно, на убогих, калек, профессиональных побирušек и тех, кто сам еще

не определился — порядочный ли он карманник или нищий вне цеха, — на всех хлынули тугие струи воды.

Марик, хозяин самой богатой публичной библиотеки Эндуса, отлично слышал крики, но не обращал на них внимания — в первый раз это бывает интересно, во второй — смешно до колик, но в шестой уже даже не забавно.

На этот день у него была «вечная» договоренность с Дайс, богиней азартных игр. Сделку заключили сорок лет назад, когда библиотекаря пришла мысль, как можно заработать денег на явлении нового бога.

Во весь фасад храма богини Дайс тянулся транспарант «Библиотечная лотерея богов!», чуть ниже и мельче — «Четвертый заход!», а над храмом, привычно нарушая физические законы, в свете волшебного прожектора летали двое мелких жрецов, травя друг другу анекдоты. Во время подготовки к празднику они станут зазывать народ магически усиленными голосами, пускать фейерверки для привлечения внимания и заодно посматривать: не норовит ли кто ограбить кассу лотереи.

Хотя последнее в Эндусе было почти невозможно: все в городе знали, что Марик покупает страховку у Кроба, бога мести — тот всегда отдает украденное, а потом находит преступников и делает с ними что-нибудь новенькое и, на его вкус, веселое.

В тележке лежали тюки с лотерейными билетами. Сто тысяч разноцветных бумажек наверняка разойдутся еще до двенадцатой стражи, а потом перекупщики, основные клиенты Марика, начнут поднимать цену — в два, в три, в четыре раза, вплоть до двадцатикратной стоимости прямо перед церемонией.

Сразу после четвертой стражи к библиотекарю приковылял Ассе, хромой глава гильдии нищих.

— Дай-ка мне десяток билетиков получше. — Марик помнил его столько же, сколько и себя: старый, лысый, с обманчиво добродушным прищуром, этот хозяин городского дна был сказочно богат, раз мог позволить себе покупать омолаживание в храме Итаки. — Дай, сам выберу.

Марик отодвинулся. Ассе у него на глазах достал билеты, высыпал горсть серебра в руки библиотекаря, отошел на несколько шагов, но потом вернулся.

— Лишние. — Он передал Марику разноцветную пачку. И когда только успел? — Ты внимательнее, внимательнее будь! И еще, помнишь, ты обещал мне копию схемы подземелий четырнадцатой эпохи?

— Ты же забрал ее! — Библиотекарь поморщился — заработал тогда копейки, а мороки было!

— Ой, склероз, совсем уже измучился... — Нищий, сторбившись, заковылял обратно к центру площади. С его хламиды скупо падали на камень мостовой абсолютно прозрачные капли — он ходил в чистом, только выглядел как оборванец.

После него потянулись и другие нищие. Вот от них уже воняло по-настоящему. Марик быстро выдавал им билеты, тщательно пересчитывал горы медных монет и мечтал о том, чтобы это испытание быстрее закончилось.

Тем временем на площадь начали подходить горожане — кто-то занимая лучшие места, кто-то разворачивая свои палатки с едой и сувенирами. У каждого торговца был договор с кем-то из богов — вся площадь принадлежала хозяевам храмов.

Большинство новоприбывших сразу или чуть позже шли к Марику. Брали по три — по пять билетов. Ближе к началу праздника они продадут все билеты, кроме одного: сделают на этом немножко денег и Дайс вроде как не обидят — просто снизят собственные шансы на выигрыш.

Солнце показалось над площадью, осветив вначале верха западных храмов, — дуги, кресты, мечи и чаши на шпильях заиграли на солнце. Где-то зазвенело, в каком-то храме запели. Марик любил площадь за эти звуки.

А еще — за запахи. Проходя мимо храмов, даже не заглядывая внутрь, ты словно прикасаешься к тайне очередного бога. Где-то пахнет сладостями, где-то — пряностями. Где-то — уютом дома, где-то — яростью битвы. Где-то звякает вкусной бронзой кузнечный молот, где-то мерещатся туман и болото, тянет сыростью из низких дверей.

Каждый дом на площади — храм. И каждый храм уникален, как уникальны их хозяева, древние боги Эндуса.

— Марик, а чей храм срыли-то? — Эх, дай памяти Мнемор, кто же это? Вроде бывший муж Агрины, торговец сладостями. — Я как-то пропустил, а ты все знаешь!

— Храм Салы, богини трав и деревьев. — Библиотекарь привычно собирал деньги, выдавал билетки. — Многие себе домой живые оboи у нее брали. Некоторые и на пол стелили, кому нравилось постоянно по травке ходить.

— Ох, Сала?! Как же это я? Давно ведь собирался в лавке живой прилавок поставить... И где я теперь по размеру найду?

Сокрушаясь, кондитер ушел. А тем временем поток покупателей все увеличивался. Из храма Дайс вышли несколько девушек-служек и начали помогать Марику.

Еще через стражу он понял, что сам только путается у них под ногами, и теперь лишь изредка вмешивался, когда возникали острые моменты.

— Марик, Марик, иди сюда! — Юные продавщицы, не стесняясь, обращались к нему на «ты». — Тут спрашивают, кто такой Эгги?

— Эгги — бог скульпторов и телесной любви. Два раза ставил свой храм на Площади, в одиннадцатой и шестнадцатой эпохах. Ничем особым не знаменит, но вроде как люди довольны были, не обманывал.

— Марик, а кто такой Станил?

— Бог ветров. В восьмую эпоху продержался четыре тысячи лет подряд, с десятилетними перерывами. Ставил порталы по всему миру, мгновенно переносил между ними желающих.

— А почему тут два имени?

— Дай посмотри. Боги-близнецы, Карук и Валяк. Единственные боги-мужчины, покровительствующие роженицам. Эпоху не помню, но очень давно — вторая или третья.

Перекупщики вставали в очередь по нескольку раз, брали положенные десять билетиков снова и снова. Теперь, в общей суматохе, вычислить их было совсем не просто. Дайс не любила таких вещей, но прямо не наказывала, и дельцы имели хорошую возможность прилично нажиться на библиотечной лотерее.

Тем временем центр площади уже заполнился. На помост вышли молодые маги-подмастерья — хвастались своими дости-

жениями. Многие не справлялись с задуманным, толпа свистела и хохотала.

— Крич?

— Обманщица. Фокусы, воры, дипломаты.

— Аттарис?

— Козлоногая. Покровительница семейного очага, четырежды в разные эпохи.

— Парт?

— Покровитель собирателей. Без шансов, если где увидите — изымайте билеты, не представляю, как он попал в лотерею, он же до эпох был!

Иногда приходилось открывать громадный фолиант и листать тысячи полупрозрачных страниц, чтобы вспомнить конкретное имя — даже с амулетом Мнемора такое количество богов и фактов держать в голове было сложно.

К двенадцатой страже, как и ожидалось, все сто тысяч билетов — за исключением нескольких помятых или безымянных — оказались проданы.

Девушки умаялись так, что теперь вряд ли останутся на церемонию — зато наверняка получат от Дайс какую-нибудь компенсацию. Вышли двое служителей, собрали мешки с деньгами, унесли их в храм. Половина денег пойдет обладателю выигранного билета, вторая половина — Марику. Богиня получит свое молитвами, которые сейчас шепчут все, держащие в руках заветные клочки бумаги. Дело было выгодным.

Марик попросил храмового служку присмотреть за ослом, тележкой, а главное — за фолиантом, прижал кожаную сумку локтем к боку — мало ли какой заезжий воришка вдруг не узнает и ограбит — и пошел пробиваться к помосту. Ему тут же отдавили ногу, рассказали много интересного про родственников, пребольно стукнули по коленке. Но цели своей он в конце концов достиг — теперь помост был совсем недалеко, локтях в семидесяти.

Выступали барды. Пели заунывно и однообразно, нищие вяло кидали в них гнилые помидоры, зеваки радостно кричали, видя особо меткие броски. Один певец чуть расшевелил толпу, вначале объяснив всем, какое они быдло, а потом выдав, видимо,

экспромтом, песню об этом. Многих такое впечатлило, нищие кинули в барда дохлаю крысу — впрочем, не попали.

После вышли известные фокусники и иллюзионисты. Этим толпа приняла более чем благосклонно: летающие драконы, дождь из золотых монет, второе солнце на небосводе — каждый номер вызывал бурю криков, аплодисментов и свиста.

Незадолго до пятнадцатой стражи Марик почувствовал тошноту, все-таки он уже был не молод, и прыгать в толпе вместе с пьяными горожанами ему не очень-то хотелось.

Протаакиваться обратно вышло куда сложнее — к этому моменту площадь оказалась набита народом, сотни тысяч людей со всех концов мира собрались поглазеть на явление нового бога. Библиотекарь сжимал в руке перстень Ашмуна, который придавал ему больше ловкости и гибкости, но этого явно было мало.

Выбрался он из толпы только к шестнадцатой страже. Сзади радостно орали — видимо, на помост вышел Вечный Жрец, но Марик плевать хотел на это. Он побежал вдоль храмов — из толпы его выпустило довольно далеко от святилища Дайс. Нужно было срочно привести себя в порядок, а потом выпить чего-нибудь освежающего, и тогда, не исключено, он успеет посмотреть на явление божества.

В какой-то момент библиотекарь с удивлением заметил, что неподалеку из толпы вывалился Ассе — глава нищих. Он явно пробирался от помоста куда быстрее Марика — в подранной дерюге, с подбитым глазом, хромяя уже на две ноги.

«Испугался? Но чего могла испугаться эта старая крыса?»

Миновав вход в храм Дайс, Марик почувствовал себя легче — в этот день богиня приравнивала его к своим служителям, и на ее территории у него прибавлялась силы. В уборной он привел себя в порядок, сполоснул в родничке руки, затем подумал и окунул туда голову — это отлично прочистило ему мозги.

Внезапно в небольшом помещении стало очень светло и как-то странно. Марик понял, что Дайс почтила его своим присутствием — такое ощущение, словно выталкивающее из реальности, появлялось только в присутствии высших сил.

— Библиотекарь, я не знаю этого бога.

Марик не сразу понял, кого она имела в виду.

— Его уже явили толпе? — удивился он. — Вроде должен быть ритуал?

Дайс в этот раз материализовалась в виде обычной девушки: с черными волосами, убранными в высокую прическу, в темно-голубом платье, босиком. Лицо, как обычно бывает с богами, менялось ежесекундно — они очень зависят от верующих и от их молитв.

— Нет, но я его чувствую. Пошли.

Она перенесла библиотекаря на крышу храма. Подойдя к громадным игральным костям, украшающим фасад сверху, Дайс взмахнула рукой, и происходящее на помосте приблизилось — так, словно было всего в десятке локтей от Марика.

Двадцать младших жрецов выполняли какие-то акробатические па, сам Вечный рисовал в воздухе огненные знаки, Марик понял, что бог появится в ближайшие мгновения.

— Приветствуйте! — крикнул Вечный Жрец. — Зыргыр!

— Зргр! — рыкнула громадная ящерица в деревянном шлеме, появляясь над помостом. Марик с удивлением понял, что бог не рычал, а представлялся, поправляя Вечного. — Я ваш новый бог!

— Его не было в лотерее. — Библиотекарь окинул взглядом крышу. — Где моя энциклопедия?

Дайс взмахнула рукой — перед стариком появился фолиант. Марик быстро пролистал несколько мест, где теоретически могло встретиться имя Зргра. Нигде не нашлось ни одного упоминания.

— Это додревний бог, исчезнувший до первой эпохи. — Марик порылся в своей кожаной котомке и вытащил глиняную табличку с изображением мрачного волосатого мужика. — Я не представляю, как Вечный мог его выбрать!

Он энергично потер табличку.

— Внимание, люди, это ваш верховный бог на ближайшие десять лет! Он поведет мир к славе и достатку, к счастью и процветанию! — орал Жрец, но даже по голосу чувствовалось, что он не очень-то уверен в своих словах.

Тем временем портрет на табличке ожил, зевнул, и в воздухе раздался ворчливый голос:

— Ну и какого ляма через коромысло под хвост тебе надо? Я и так трое суток печатал твои дурацкие билеты, и ты мне еще выспаться не даешь!

— Рогги, срочно посмотри в запаснике на второй полке слева манускрипт «Жабындаж», такой серый, вроде бы с печатью городской библиотеки Эндуса. Это очень важно!

Лицо на табличке застыло, как бывало всякий раз, когда собеседник надолго замолкал.

Вечный Жрец еще говорил что-то, но возвышающийся над ним ящер очень быстро увеличивался, и по мере его роста уверенность в голосе Жреца все убавлялась.

— Как такое вообще возможно? — пораженно прошептал Марик.

— Вы, смертные, просто не знаете, как Вечный выбирает богов. — Дайс грустно улынулась. — Он будит нас и спрашивает, какую взятку мы можем ему дать. Вечная жизнь, умение летать и непреходящая удача, способность читать чужие судьбы, как книги, и куртуазный дар поэзии — я знаю десятки его свойств и еще многих десятков не знаю. Видимо, в поисках чего-то интересного он докопался до старых, всеми забытых богов, и этот Зргр дал ему что-то уникальное.

— Но как... — начал было библиотекарь, но тут лицо на табличке вновь ожило.

— Нашел. Как тебе удалось стащить манускрипт из городской библиотеки?

— Это не важно, — попытался уйти от темы Марик. — Ты можешь прочитать его?

— Ни ляма себе «не важно»! Там у них «Полные приключения Дайтроника», единственный экземпляр, я за ним много лет охочусь, а ты говоришь — «не важно»!

— Я подкупил хранителя и заменил манускрипт подделкой. — Марик виновато посмотрел на Дайс, но та была занята происходящим на площади. — Давай уже, что там написано?

— А я не знаю. Там не по-нашенски.

— Но прочитать-то вообще можешь? — Бежать на другой конец города Марик у отчаянно не хотелось.

— Если это грайская письменность, во всяком случае, похоже на нее, то примерно могу. Тебе какая картинка нужна?

— Большой ящер в деревянном шлеме.

— Они тут все по размерам одинаковые. — Помощник вредничал до последнего. — Есть. Читать?

— Читай.

— Барука загага, хринянда охиеверо. Грандото охупиндетто, бух, бух, зргр.

— Понятно... — прошептал Марик. — Грандото охупендетто.

Он выглянул из-за кубиков — на площади творилось странное. Тысячи людей медленно двигались по спирали, центр которой приходился на помост. Приближавшиеся к нему вплотную словно втиралась в него — освобождая место для следующих. Однако крови не было. Над помостом возвышался Зргр, он стоял-я все больше и больше. Внизу распластался Вечный Жрец, он что-то пытался сделать, но, видимо, у него ничего не получалось.

— Что это значит? — спросила Дайс.

Марик был абсолютно уверен, что богиня, всеильная в собственном храме, прекрасно поняла сказанное его помощником, но все-таки перевел:

— Пожирает жертвы, становясь больше. Мечтает проглотить мир. Тогда всему придет конец.

Марик взглянул на соседнюю крышу. На храме Лагиса, бога-сеятеля, стояло само божество и вместе с ним множество жрецов. По другую сторону на своей крыше возвышался Тари, бог-громовержец.

Библиотекарь оглядел площадь — везде изваяниями застыли боги. На своих территориях, где они были всеильны. Все стояли и торжественно провожали мир в никуда.

— Вы же можете объединиться! Ударить по нему вместе!

Дайс взглянула на него и грустно улыбнулась:

— Это вы, люди, можете объединиться. А мы — уникальные. Мы — каждый сам по себе. Вот почему раз в десять лет Вечный Жрец выкидывает одного из нас на свалку мироздания и вытаскивает оттуда следующего.

— Слушай, лям тебе фонарь через шлею в глотку, я еще нужен?

Марик уже и забыл про помощника.

— Да нет, в общем-то.

— Тогда я спать.

Табличка похолодела.

Марик у стало очень тоскливо: мир умирал. А ведь через неделю должны были с караваном доставить конспект Тароиса и собрание сочинений Ашессы Ляир в двух томах. Кроме того, он договорился со слугой в доме коннетабля, чтобы тот выкрал на ночь мемуары своего хозяина. И как еще много, потрясающе много было хорошего и интересного в этом мире! Чего стоила одна библиотека Илана Рослого, не найденная пока, правда...

Марик с тоской наблюдал за тем, как постепенно уменьшается гигантский круг из сотен тысяч людей, втираясь в помост, на котором растет погубитель мира.

Дайс снова приблизила происходящее, видно теперь было куда меньше — Згрр уже не помещался в обзор полностью, — зато гораздо четче. Библиотекарь заметил, что Вечный Жрец медленно ползет к громадной левой ноге бога-ящера. Нога постоянно увеличивалась: только что была видна целая лодыжка, а вот уже лишь ступня с громадными лиловыми когтями.

И тут вдруг Вечный Жрец встал и метнул в пятку ящера молнию. Прогрелел страшный взрыв. Яркая вспышка на мгновение ослепила библиотекаря, он инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, как что-то громадное, постепенно уменьшаясь в размерах, облетает площадь по кругу.

— Вж-ж-жик! — раздалось совсем рядом, и под ноги Марику упала крупная ящерица. Раздраженно зашипев, она попыталась заткнуть дыру в пятке, но получилось это у нее не слишком удачно.

— Тварь! — заорала Дайс и неожиданно мощно пнула Згрра под брюхо. Тот оторвался от серой черепицы и взлетел вверх.

В верхней точке траектории сдвнувшееся божество поймал Вечный Жрец, а после этого мягко приземлился на крыше рядом с Мариком и Дайс.

— Хороший удар! — похвалил он богиню азартных игр. — Вы не представляете, как я в нем разочарован! А ведь так славно все начиналось! Хорошо хоть, я догадался, что он не может так бы-

стро расти, если только не надувается. Готовился мир глотать, поганец!

Вечный выглядел совсем юно — лет на семнадцать. Голубоглазый блондин, красавец без единого изъяна во внешности, он сразу внушал доверие и желание покаяться во всех грехах.

— Вы знаете, я книжки краду, — застенчиво признался Марик. — А еще у меня две незаконные дочери. В нижнем городе и здесь, неподалеку. И мужья их матерей не знают.

— Молодец! — похвалил его Вечный. — Настоящий мужик!

И улетел, сжимая в руках Зргра. Ящер обреченно шипел.

— Как же сильно его наградили боги... — Марик все еще был под впечатлением.

— Взяточник! — ругнулась Дайс и тут же ударила себя по губам — вдруг Вечный услышит. — Ну и ладно, новый бог все равно нужен, правильно? А еще одна лотерея не помешает ни мне, ни тебе.

Библиотекарь кивнул, понемножку отходя от шока.

С площади разбредались люди, из-под помоста в центре вылезали обессиленные «втортые» — видимо, Зргр пожирал только их энергию, оставляя тела «на сладкое».

Интересно, как выругается Рогги, когда узнает, что ему предстоит напечатать еще сто тысяч новых билетов?

Примечание автора

Четыре согласные буквы в названии — это, конечно же, выпендрож. А еще это имя. Имя одного из сотни тысяч богов — жалких, угнетенных, шантажируемых, мечтающих стать чем-то большим.

Боги — когда речь идет о богах с маленькой буквы и во множественном числе — они как люди. И если вдруг богов оказывается слишком много и власть над ними получает человек... тогда жди беды.

Из этого рассказа потом вырос роман. Роман пока требует некоторой доработки — но когда-нибудь я обязательно его дошлифую, и он увидит свет.

Подъем с переворотом

Те, кто никогда не видел, как поднимают мертвых, часто говорят, как при этом бурлит земля. Как сверкают молнии и гремит гром, как взрывами трескается кора на деревьях, как сухо становится вокруг.

Все это чушь. Болезненный бред сознания, прячущего свой страх за кучей красивых и жестоких образов.

Анттон остановился на краю кладбища и проверил слой силоса — сантиметров сорок, не больше. Он поморщился, но ничего не сказал — Карин и так старалась изо всех сил. Переселенцы и солдаты не горели желанием помогать ей, *поднятые* как огня боятся погостов, а местные только пакостят изо всех своих мелких, глупых и вредных сил.

Этому погосту было лет сорок, не больше, такие свежие в Закате не поднимают. Во всяком случае, дома Анттону не приходилось иметь дело с захоронениями моложе двухсот лет.

— Мессир! Мессир! — Запыхавшийся Свенир, не добежав пары шагов, бухнулся на колени. Когда он уже поймет, что на дворе цивилизованный двенадцатый век, а не мрачное между-время?

— Свенир, встань и вспомни: ты *первый*, слуга *высшего*, а не *поднятый* и не *низший*.

Из них двоих слуга имел более представительный вид: худощавый, седой, хотя еще и не старый, в безукоризненном официальном сером костюме *первых*, он производил впечатление солидного человека.

Анттон выглядел совершенно иначе: полноватый мужчина чуть за тридцать, в измазанном травяным соком коричневом балахоне. Но именно он определял судьбу не только поднятых этой

забытой всеми колонии Заката, не только *низших*, смирившихся или пытающихся сопротивляться, но и даже *первых*. Тех *первых*, что, как и сам он, явились сюда за куском земли, золотом или властью.

Военный губернатор Лефии имел право вершить суд по любым вопросам и подчинялся только императору.

— Мессир, в деревушке к югу отсюда кто-то убил всех *первых*, взломал загон и перенял присягу с *поднятых*. — Свенир говорил нервно, но внятно. — Это было вчера вечером. По их следам Карин отправила *гончих*, но шансов мало — от местных никакой помощи, а этот лес просто сплошная ловушка.

— Не называй их «местными», Свенир. — Анттон небрежно провел рукой по щеке слуги. — Называй «*низшими*». Местные здесь, согласно указу императора, — мы, а они существуют только с нашего позволения.

Предыдущий губернатор допустил ряд ошибок. Он слишком близко сошелся с местными, позволил переселенцам строить жилье вдали от форпостов империи — и даже если бы он не погиб во время предательского набега *низших*, то все равно был бы смещен с должности.

А его преемник теперь вынужден разбираться с тем, что натворил предшественник.

Губернатор достал из-за пазухи короткий черный жезл и легко прочертил в силосе несколько рун. Затем взмахнул магическим оружием, перед тем как отправить обратно в потайной карман, и оно очистилось от грязи.

К вечеру кладбище начнет оживать. Зашелестит силос, затрепещит статическое электричество, а ниже, под слоем земли, будут собираться в целое костяки. Затем на остовы нарастут жилы, и скелеты пробьются вверх, к биоэнергии кипящей массы из раздавленной сочной травы, где на них появятся мышцы и кожа, прорежутся глаза и вылезут ногти.

У тех, кто умер калеками, восстановятся увечные конечности и органы. А через два-три дня из сухой, безжизненной соломы по одному начнут вставать *поднятые*. Не *гончие*, не *убийцы* и не *халдеи*, а самые примитивные — *быки*.

Те, на ком держится Закатная империя, прошедшая за последние три сотни лет огнем и мечом с запада на восток и ставшая единственной страной, в которой никогда не садится солнце.

Те, кто может поднести и унести, засеять и сжать, проломить и восстановить, — не спрашивая «зачем» и не рассуждая.

Те, кому достаточно литра воды и чашки кукурузной похлебки в день.

Конечно, было бы гораздо лучше вырастить здесь, на кладбище, *гончих* или *убийцу*, но для этого требуются сложные ритуалы и магические кристаллы, созданные в подземных лабораториях империи, а ни времени, ни тем более лишних кристаллов у Антона не было.

А уж *халдеи* — те вообще штучный товар. *Поднятый*, не отличающийся от живых, считающий себя живым и в то же время безукоризненно преданный поднявшему... Создать такого сложнее, чем поднять сотню *быков*. Но эмпатическая связь между магом и слугой, легендарная верность последнего и сохранение осознанности своего положения в глазах окружающих стоили того.

От погоста до резиденции губернатора и его слугу довел мрачноватый *первый* с капральскими нашивками. Два раза он останавливал мобиль и подкармливал мотор.

— Не любит наша техника эту местность, — ворчал *первый*, засовывая в раструб кусок говядины. — Да и я вам скажу: гнилое место, сплошной лес, а в лесу всегда всякая пакость делается. И местным я не доверяю.

— Не «местным», а «*низшим*», — автоматически поправил Антон солдата. — А технике все равно, где работать, главное — суй в нее мясо, не забывай доливать воду и масло, говори ей, что она самая лучшая.

— Не скажите, — капрал любовно погладил баранку, дождался довольного урчания и прибавил газа. — Мой зверек здесь раза в полтора больше ест, чем на родине. Нервничает — воздух другой, влажность, запахи...

— У современных моторов нет обоняния. — Глухие водительские байки забавляли Антона, но в то же время и слегка

сердили. — Их выращивают по определенным стандартам, военной машине все равно, где работать — хоть на крайнем севере, хоть на диком юге. А вот то, что мотор может эмпатически переинимать настроение водителя, — это абсолютно точно. Сделано для лучшей управляемости. Перестанешь нервничать сам — и машина будет есть меньше. Ну все, капрал, давай.

Новую резиденцию — старую сожгли местные, не озаботившись выпустить из нее прошлого военного губернатора, — еще не достроили. Правое крыло было уже почти готово, оставалось отделать его внешне и поставить стационарную охранную систему, а вот левое еще топорщилось деревянными лесами, там носились с брусом и бадьями раствора *поднятые*, то и дело орали друг на друга и на *быков* бригадиры.

— Мессир, — перехватила его на пороге Карин. — Вы уже знаете, что на юге...

— ...убили четырнадцать *первых* и утнали полсотни *быков*, — оборвал девушку губернатор. — Да, ты звонила Свениру, и он передал мне.

— Я направила туда...

— ...гончих. Ты все правильно сделала, посылать солдат неизвестно куда мы себе позволить не можем. Даже если *поднятые* не справятся, мы будем знать о масштабах бедствия и примем меры.

Карин была влюблена в него. Анттон знал об этом — с первой минуты, и даже раньше, когда генерал Паттьер написал, что направляет к своему протеже девушку-адыютанта. Несколько пассаов над личным делом — и стало ясно, что она специально напросилась именно к нему.

Пробивалась, требовала, давила, подкупала — и все это для того, чтобы попасть под командование Антттона, самого молодого члена Императорской Коллегии, отправленного в ссылку, которую почти все искренне считали перспективным назначением.

Девушка нравилась военному губернатору — и внешне, и по характеру. Она будила в нем что-то, чего он даже сам не мог толком распознать, — одновременно отеческое и мужское, рядом с ней Анттон осознавал себя сильным и уверенным.

Карин по всему подходила на роль жены — преданная, умная, красивая. Но имелся у нее один маленький, незаметный внешне изъян: она происходила из «новой знати» — все ее предки были на проигравшей стороне, не на имперской. Всех их простил и оставил с крупицами власти и денег император — Далли Первый, или Далли Второй, или Силли Первый — кто-то из расширявших границы империи.

В кругу старой знати не считалось зазорным жениться на престолюдинке. Но взять в жены девушку из новых? Это было дурным тоном. Как если прийти на прием к императору в сером костюме *первого* или самому сесть за руль автомобиля.

Анттон, кстати, делал и то и другое. Но — до того как его карьера повисла на волоске. И теперь он не отпускал Карин далеко от себя, мучая девушку и изводясь сам, в ожидании, когда определится его судьба: позовут ли его обратно в столицу или утвердят военным губернатором на десять лет.

И в первом, и во втором случае он бы женился на ней. В первом — потому что это бы значило, что он отыграл позиции и может себе позволить подобное, во втором — потому что ничего хуже этой ссылки для талантливого мага и аристократа с такой родословной и связями придумать было нельзя.

Губернатор сделал несколько звонков по стационарному аппарату. Он не любил переносные — капризные, мелкие, норовящие выскользнуть из рук и забиться куда-нибудь в щель, чтобы сдохнуть там от голода.

Величайшие маги империи работали над проблемой — и в результате телефоны становились все меньше и меньше, по ним уже можно было разговаривать одновременно с двумя, тремя и даже четырьмя собеседниками, — только характер зверьков от этого лучше не становился.

Особенно телефоны любили выскочить из кармана в выгребную яму или начать пищать от голода во время важного звонка и, не получив лакомства, в знак протеста впасть в кому.

Поэтому сам Анттон не носил с собой телефон, зато требовал, чтобы у каждого *первого* в его окружении был такой живой механизм, а у некоторых — например, у Карин или Свенира — их имелось даже два.

— ...Да, мессир генерал. — Поттьер уже знал об уничтоженном поселке переселенцев. — Я принимаю меры.

— Ты понимаешь, что *первых* сдвинуть с места не так-то просто? Что мы тут изо всех сил убеждаем людей, что у вас — рай земной, магические кристаллы на земле валяются, каждому с ходу выдают по пять *быков*, а старостам еще и по *убийце*?

— Не скажу за это спасибо — переселенцы первым делом пытаются прорваться к телефону и сообщить родственникам, что вы врете.

— Анттон. Попробуй измениться, это здорово поможет, если нам таки удастся вернуть тебя ко двору. Мы не врем, а выполняем императорскую программу любыми средствами. Я рассчитываю на тебя.

Стационарный телефон — спокойный и солидный зверек, осознающий, какую важную работу он выполняет, — торжественно пискнул, сообщая, что звонок завершен.

Старик и вправду многое сделал для Анттона, якобы готовя его в свои преемники. И пока губернатор Лефии хамит, дерзит и всячески показывает, что ему плевать на правила, генерал будет его поддерживать.

Но стоит Анттону хоть раз проколоться и проявить себя настоящего, Поттьер тут же утопит его — как человека, которого держать за спиной стало слишком опасно.

Лес вокруг резиденции вырубали на пятьсот метров. Шестеро *убийц* со стереовинтовками, ориентирующимися на звук, просматривали все окрест на случай атаки или диверсии — они превосходно видели ночью, легко переносили голод и жажду и были настроены на Анттона, Свенира и Карин.

Вечером повар подал суп до-роше, мясо по-тукански и канатарские сладости. Карин напряженно шутила — видимо, беспокоилась по поводу *гончих*, посланных на юг.

После кофе и сигар возникла обычная заминка. Карин ждала — каждый раз, день за днем, неделю за неделей, — что Анттон позовет ее к себе. Она была готова идти за ним куда угодно и знала, что он это видит.

Она знала, что он этого хочет, и не понимала, почему мучает и себя и ее.

А он — лучший маг на тысячи километров окрест, высокопоставленный чиновник сильнейшей на планете империи, зрелый мужчина и тонкий ценитель интриги — боялся начать слишком рано. Боялся того, что «просто постель» может подвигнуть его на необдуманные поступки или же покажет, что все планы насчет Карин — дым и надо искать в спутницы другую женщину.

Впрочем, в этот вечер ему не пришлось выбирать.

— Мессир, вернулась одна из *гончих*.

— Кто? — В отличие от *быков*, *гончие*, *убийцы* и *халдеи* имели имена и сильно отличались друг от друга характерами.

— Ленела.

Гончая была ранена и выглядела уставшей. Для создания, которому ничего не стоит пробежать пятьсот километров по бездорожью за сутки, это значило многое.

Анттон ласково прикоснулся к узкой голове Ленелы — *поднятая* хрипло застонала от наслаждения, почувствовав ладонь человека, несколько недель назад вернувшего ее в мир живых. Связь между *поднятым* и *поднявшим* сильна, разорвать ее может с риском для жизни только мощный маг.

— Рассказывай.

— Я шла по следу. — *Гончая* шепелявила, в окровавленной пасти не хватало многих клыков. — Среди нападавших были *первые* вместе с *низшими*. Они разделились, я выбрала тех, кто сопровождал украденных *быков*. Догнала их быстро, но они ждали меня.

Как только *гончая* сказала о том, что среди нападающих были *первые*, Анттон понял, что нужно ждать засады. Но услышанное далее его ошарашило.

— Они натравили на меня *быков* — *поднятые* пытались убить меня, я пропустила несколько ударов и решила уйти, чтобы восстановиться.

Она сбежала. Ленела всегда была трусовата — и это оказалось ценным качеством. Остальные *гончие* наверняка постарались обезвредить противника и, столкнувшись с серьезным отпором, оказались обездвижены и растерзаны.

— Анттон, это могут быть бандиты.

По тону, которым Карин сказала это, губернатор понял: его адъютант опасается другого. Что они столкнулись не с переселенцами, сошедшимися с *низшими* и промышленяющими грабежом, а со спецгруппой, посланной из Заката противниками генерала Поттгера. Если это были бандиты — с ними справятся три взвода солдат, усиленных парой *убийц* и Ленелой. Если же спецгруппа — то придется идти ему самому.

— Свенир, подчиняешься старлейтенанту Карин. Карин, останешься за главную, подготовь отряд — четыре усиленных взвода и разведотделение.

— А если это провокация?

— Значит, она удалась. — Анттон иронично взглянул на склонившуюся в глубоком поклоне Ленеу. — На крайний случай в резиденции остаются две сотни *быков*, двое *убийц*, четверо *гончих* и взвод солдат. Каждые двадцать минут связывайтесь с форпостами, каждые полчаса я буду звонить сам.

Вскоре отряд выстроился у грузовых вездеходов. Сонные моторы недовольно порыкивали, шоферы раздавали питомцам мясо, проверяли уровень воды и масла в баках, трубки, запоры.

В командном вездеходе уже сидели четверо *убийц*. С виду они напоминали обычных *первых*, только крупных — если не приглядываться. При более внимательном осмотре становилось ясно, что это не совсем люди: у них отсутствовали рты, носы и уши — едва обозначенные, словно манекен, в котором мастер забыл прорезать отверстия. Глаза скрывались за толстыми органическими линзами, а вместо волос были шипы, обычно прижатые к голове, но превращающиеся в опасное оружие в бою.

Уничтожить *убийцу* простой смертный едва ли способен. В столице были популярны соревнования, в которых несколько следназовцев с холодным и автоматическим оружием выходили против одного обнаженного *убийцы* — ставки там подчас поднимались очень высоко.

— Анттон, — Карин говорила при *убийцах* спокойно — они и так эмпатически воспринимали любые разговоры ее или губернатора, — возвращайся.

Она просто перешла на «ты» — но как много в этом было нюансов! Знатная девушка, офицер, она не могла сказать командиру «ты». В этом было все: вызов, безнадежность, надежда.

— Я вернусь, — пообещал Анттон.

Шесть вездеходов сопровождения меняли друг друга каждые пятнадцать минут. Идущий впереди подминал молодые деревья, выбирал дорогу — уставали и люди, и машины. Можно было поехать реками и ручьями, но тогда путь оказался бы втрое дольше.

Местные были слабыми магами в обычном понимании этого слова, но имели свою особенность: единение с лесом. Умение зарастить крепкими деревьями дорогу, выстроить дом-дуло, в котором *нижего* не найдет даже самая опытная *гончая*, возможность быстро вылечить любого, «подсоединив» его к дереву.

Однако лучше всего было использовать местных после смерти. В качестве *быков* или *гончих* они работали очень хорошо, и тогда с ними не требовалось договариваться, искать компромиссы.

За шесть месяцев на посту военного губернатора Анттон видел местных не больше десяти раз. Дважды на переговорах, когда он поставил стариков с крашенными хной бородами перед фактом, что за Зелеными Холмами встанут три деревни переселенцев. Один раз случайно заметил в лесу — низший был или болен, или под наркотиками. И с поддюжины раз — во время показательных казней их как воров и саботажников.

Местные не хотели работать на Империю — и платили за это жизнями. Анттон не зверствовал, как губернаторы других колоний, и на его территории не возникало серьезных мятежей.

Из тьмы на подножку мобила вспрыгнул солдат, военный губернатор не вздрогнул только потому, что мгновенно почувствовал в нем своего, а не врага.

— Расчетное время прибытия в поселок — два часа. — *Первый* с нашивками хорунжего словно угадал вопрос командира. — Моторы слегка волнуются, в деревне надо будет порадовать их вкусеньким.

— «Лесной спецназ»? — поинтересовался Анттон, желая сделать приятное солдату. Он уже пролистал в голове досье на всех хорунжих в своем подчинении и нашел этого. — Давно служишь?

— Пятый год, мессир! Восемь месяцев накопленного отпуска!

Четыре года в этой дыре, имея возможность уехать в любую минуту? Губернатор усмехнулся. Хорунжий нашел свое призвание. Четыре года назад он высадился с первой экспедицией на шестьсот километров западнее от этого места и стал одним из сотни выживших, а затем одним из шести *первых*, которые решились вернуться сюда.

Он присутствовал при становлении армии «Лесной спецназ», участвовал в десятках карательных операций, пережил два года назад расформирование армии — император подписал указ, что здешние территории полноценно входят в состав империи, и ввел сюда обычные войска — в нормальной колонии нечего делать целой армии специального назначения.

Хорунжий остался и никаких сомнений не испытывал. Именно на таких, как он, и держится Закат — Анттон был уверен, что если тот не погибнет, то получит офицерский патент, а вместе с ним и дворянство по выслуге лет. Наверняка останется здесь, выпишет невесту из империи, а лет через двести-триста его потомки будут считаться старой аристократией.

Щетки размазывали по фарам слезы и грязь — в деревне и вправду надо будет дать моторам чего-нибудь вкусного. Добавить к мясу тростникового сахара, например. Вредно, конечно, но ведь не каждый же день?

Карин сама перешла черту. С одной стороны — досадно, с другой — губернатор давно уже дивился выдержке девушки. Может, и вправду бросить все, жениться на ней, а чтобы избавиться от мнения света, уехать к родне Карин в Восточную Аллию и засесть за магические изыскания? По вечерам, устроившись в кресле-качалке, читать «Вестник империи» и «Весельчака», позаботиться о наследнике, а то и нескольких...

...Первыми среагировали *убийцы*. Ни сам Анттон, ни солдаты и водители еще ничего не понимали, вглядываясь вперед или болтая между собой, а сидящий рядом с губернатором Сволли Второй уже обнимал подопечного, Сволли Четвертый и Сволли Пятый выламывали своими телами изнутри люк вездехода, а Сволли Шестой выкидывал им вслед винтовки и рюкзаки.

Шестой погиб вместе с командирским вездеходом, исчезнув в шаре всежгирающего пламени. Из семи машин на ходу осталась только одна — стрелявший в нее человек запоздал на долю секунды, и шофер, скорее почувствовавший, чем увидевший опасность, резко прибавил газу, продолжая движение согласно резервному плану.

Жезл Анттон достал в тот момент, когда его проносили сквозь выбитый люк, а потом, пользуясь тем, что вокруг стало светло как днем, начал выжигать точечными ударами все подзрительные места.

Сволли стреляли одновременно с ним — и, надо признать, более эффективно. Трое *убийц* ориентировались даже не эмпатией — а чутьем, развитым в них до предела. Стереовинтовки подсказывали направление, а *поднятые* пользовались ситуацией.

«Они отступили. Продолжить преследование?» — Мысль существа ощущалась как слабый хор. *Убийцы* с одного погоста при правильном поднятии становились единым целым. Анттон по праву гордился Сволли — несколько лет назад ему служило восемь таких, но одного выкупил для арены императорский вербовщик, которому не принято было отказывать, и еще одного забрал Паттьер — Анттон сделал вид, что преподнести патрону такой подарок — его собственная идея, а генерал, передавший это желание окольными путями, только шурился от удовольствия.

«Никакого преследования! Продолжаем движение по вектору, наша цель — деревня и последний уцелевший вездеход».

Губернатор быстро осмотрел два трупа, принесенных *убийцами*. Один — местный, с духовой трубкой, — видимо, собирался добывать уцелевших, если бы таковые остались. Другой — из *первых*, явно еще недавно ходил по землям Заката. Рядом с ним нашли винтовку-огнеметатель «Дракон», причем невменяемая ящерица в метателе явно была под наркотиком или магией — за

сам факт такой модернизации в империи приговаривали к «лягушке», то есть к «пожизненным работам с устранением антисоциальных наклонностей из психики».

Вычислить, где проедет кортеж, нападавшие могли только с помощью магии, причем не примитивной местной, а полноценной, которой не во всяком университете обучают. Среди них был или офицер высокого ранга, или преподаватель магии, или сотрудник одной из имперских спецслужб.

Убийцы несли хозяина по очереди. Анттон не привык путешествовать в таких условиях, но выдерживать темп Сволли по пересеченной местности он бы не смог, а добраться до уцелевшего вездехода было жизненно необходимо.

Поймав губернатора, местные могли начать торг с Карин, а она ставила интересы Анттона выше интересов империи — и до чего может дойти девочка, лучше было не проверять.

«Вездеход в двух километрах по направлению движения».

Анттон приказал осторожно идти к машине. Через пятнадцать минут его группа вышла к деревне. Вездеход уже замаскировали — завели в ангар *быков*, усыпили мотор, выставили посты.

Все-таки если в переселенцы набирают всех подряд — самых никчемных крестьян, мелких преступников, даже ущемленных в правах лиц из отдаленных провинций, — то армия сюда присылает лучших. Год службы за два, быстрый рост, хорошие деньги — в Закате, говорят, существует даже очередь из желающих прокатиться в заморские колонии.

Сволли Второй тенью выметнулся вперед.

— Стой! Кто идет?

Заметить *убийцу* в темноте, пусть даже на стометровой вырубленной вокруг поселка зоне, мог не каждый. Анттон напрягся и не без помощи магии узнал спрашивающего: это был Патерик — хорунжий, тот самый, который запрыгивал на подножку его вездехода.

— Хорунжий, это я, губернатор! — крикнул Анттон, поднял руки и вышел на открытое место. Все трое *убийц*, в том числе Второй, были рядом, готовые в случае необходимости прикрыть хозяина от пуля и вынести из зоны обстрела.

— Не подходите! Они вас взяли или вы сами выбрались? — Патерик выстрелил, обозначая зону, за которую губернатор не мог зайти, — метрах в пяти от него. — Я не могу допустить вас в деревню, я отвечаю за жизнь своих людей!

Проклятые суеверия! Среди солдат бытовало мнение, что хороший маг может за считанные минуты убить и поднять кого угодно, сохранив ему все признаки абсолютно нормального человека.

Анттон знал, что это невозможно. То есть теоретически — без проблем, но чтобы создать *халдея* из только что умершего, нужна неделя кропотливой работы, не говоря о быстро портящихся и с большим трудом доставаемых ингредиентах.

— Со мной *убийцы*, они бы самоуничтожились в момент моей смерти!

— Это могут быть не ваши *убийцы*, командир! Я понимаю, что это глупо, но поставьте себя на мое место! Вы можете выйти в центр вырубki, через пару минут я пришлю к вам своего парня, он заберет ваше оружие. Вы отключите *убийцу*, мы сунем их в ящики, которые мои ребята сейчас сколотят, затем вы присоединитесь к нам.

Хорунжий предлагал реальный план. Почти полный взвод, окопавшийся по всем правилам в самом добротном на вид здании поселка, взять силами трех *убийц* было крайне сложно, и противник (если он убил и поднял Антттона) постарался бы разрешить проблему без штурма. С другой стороны, соглашаться на такие условия было унижительно. С третьей — уходить в лес и пытаться добраться до резиденции просто не представлялось возможным.

— Я тебя под трибунал отправлю, — тихо шепнул Антттон. На самом деле в новых колониях он сам был вместо трибунала и мог решить любое дело, если понадобилось бы, он имел право даже начать печатать имперские монеты — а не только повесить зарвавшегося хорунжего.

Солдатик, прибежавший за винтовками *убийцу* и железом Антттона, разве что не ползал перед командиром на брюхе, но выполнил приказ хорунжего.

Ящики для *поднятых* делали долго, Анттон успел даже немного вздремнуть. Затем по одному усыпил троих Сволли и проследил, чтобы их связали аккуратно и в гробы уложили ровно.

— Теперь я верю, что вы — не *поднятый*, губернатор, — сказал хорунжий входящему на верхний этаж ратуши Анттону и был удостоен пощечины, от которой отлетел на пару метров.

Особым пощечинам аристократов учили. «Поощряющая», «унижающая», «для равных», «для высших», «для низших». Анттон использовал пощечину «для зарвавшихся слуг» — не самую болезненную, но силовую, в которой плечо и предплечье участвовали гораздо больше, чем кисть.

И в тот момент, когда аристократ хотел провести стандартную психологическую процедуру, результатом которой должно было стать полное подчинение хорунжего, раздались выстрелы.

Ни Патерик, ни Анттон, ни тем более упакованные в ящики *убийцы* не следили в этот момент за происходящим снаружи, и никто не смог вовремя заметить нападавших.

— Предатель! — хорунжий метнул взятый из рукава нож в губернатора.

Даже отличные рефлексy, натренированные за годы учебы, не спасли Анттона — он получил разве что не лезвием, а рукоятью и не в глаз, а по лбу.

— Большой человек, сразу видно. — По акценту Анттон понял, что с ним говорит местный. — Не стонает, не плакает, а в сознание приходит — даже глаз не открывает.

Стонать действительно хотелось. Голова раскальвалась, и к тому же с первого мгновения губернатор понял, что события пошли по самому худшему сценарию: его взяли в плен.

— Вам нужен выкуп? — спросил он, открывая глаза.

— Сразу к делу переходит, очень большой человек! — Старик улыбался. Анттон понял — перед ним не просто старейшина или мелкий вождь — перед ним местный, обладающий очень высоким рангом, возможно, не уступающий в этом ему самому: у старика оказалась покрашена хной не только борода, но и ладони, и лоб, и, скорее всего, сделанные хной татуировки были рассыпаны

по всему телу. — Мне не нужен выкуп, я не жадный. Мне нужно, чтобы вы убрались обратно, но, как человек умудренный, я понимаю, что это невозможно.

Они находились в дупле. Анттон несколько раз видел разоренные жилища лесных жителей, но все они не шли ни в какое сравнение с этим дворцом. Метров двадцать на сорок, с высотой куполообразного потолка до десяти метров в середине помещения.

Украшенные резьбой и геометрическими узорами поверхности, редкие чистые фрагменты стен и потолка, несколько кресел, с виду удобных и мягких, словно вырастающих из пола, большой стол с разложенными на нем дощечками и бумагами...

— Мне тоже не нужен выкуп. — Из-за стола, невидимый ранее, поднялся *первый*. Массивный, с породистым лицом, он явно принадлежал к аристократии Заката — не старой, изначальной, а происходящей из какой-то провинции, скорее всего, северной. — Мне нужен ты. Ты и только ты.

Анттон приподнялся на кушетке, проверяя, насколько он свободен. В одном из зубов нижней челюсти у него был припасен сюрприз для врагов — генетически активная кислота. Проглотив несколько капель этой жидкости, любой маг умирал, и после смерти его тело невозможно было поднять никакими ритуалами.

— Синергетическое заклинание? Вытатуированная на нёбе руна, приводимая в действие определенным движением языка? Нет? Неужели генетически активная кислота? — Проклятие, он что, так легко читается? — Если бы ты был нужен мне *поднятым*, я бы сейчас уже подбирался к первой трети ритуала. Кстати, хочу представиться: военный губернатор Лифии Тетторион.

— Прошлый губернатор? — Анттон многое понял. Сожженная резиденция — отличное прикрытие для желающего исчезнуть, прихватив с собой нескольких соратников. — Зачем тебе это нужно?

Старик-абориген засмеялся, Тетторион улыбнулся.

— Анттон, ты знаешь, как я стал губернатором? Скорее всего, знаешь. Я был полковником «Лесного спецназа», после расформирования армии стал вице-губернатором при Летторе, а

когда мой начальник спился, я получил губернаторство. Однако такую должность не может занимать вояка из «новой знати», как вы нас называете, хотя у меня в полтора раза больше родовитых предков, чем у тебя, например. Это нереально, во всяком случае, пока я не докажу лояльность лично императору. Поэтому меня пригласили в столицу. Я навел справки. Покопался в архивах, подтянул все возможные связи, в том числе через родственников и друзей, — и обнаружил одну интересную закономерность. Если человек в небольшой должности либо если его назначили на высокую должность, но он еще не прошел проверки на лояльность, то он может критично отзываться об императоре и совершать любые поступки. А вот те, кто прошел через эту процедуру, уже не способны сказать об императоре ни единого плохого слова, а в критических ситуациях легко отказываются от инстинкта самосохранения и кончают жизнь самоубийством, что нехарактерно в принципе для *высших*, а характерно, например, для *поднятых*.

— Что ты имеешь в виду? — Анттон понимал, куда клонит Тетторион, но хотел дослушать до конца.

— Попробуй обзвать императора. Не вслух, что ты, я не собираюсь копить на тебя компромат. Про себя. Что-нибудь безобидное, вроде «интересно, как сегодня покакал господин император?».

Пленный губернатор усмехнулся и попробовал так подумать. Но мысль ускользала, словно юркая мышь от цепного пса. Анттон напрягся, на лбу его выступил пот, и он вдруг забыл, чем занимался только что.

— Что я пытался сделать?

— Подумать глупость об императоре.

И вновь Анттон напрягся, и опять забыл последние мгновения. Так продолжалось несколько минут, пока в голове что-то не лопнуло.

В себя он пришел уже в кабине вездехода. Рядом сидел Тетторион, а впереди, на водительском месте, — Реттор, старый университетский приятель Аттона, уехавший пару лет назад до-

бывать статус в Атию, колонию, расположенную в полутора тысячах километров восточнее Лифии на этом же материке.

— Реттор?

— Да, Анттон, это я. Ты бы знал, каких усилий нам стоило затащить тебя из Заката в Лифию! Но ты нужен нам. Ты один из сильнейших магов современности — не сейчас, но потенциально. Во всяком случае, из тех, с кем мы знакомы.

— Чтоб тебя собственный мотор покусал, — выругался Анттон. — Куда мы едем?

— Возвращаем тебя в резиденцию, — ответил Тетторион. — Доволен?

Анттон задумался. С ним явно что-то произошло — вряд ли смерть и последующее поднятие, ведь магическую проверку, сложную и не очень приятную, он запустил в первую очередь.

— Вспомни эксперимент с дурацкими мыслями об императоре, — посоветовал Тетторион.

И Анттон вспомнил. Он осознал, что теперь может без труда думать о том, как император сходил в туалет или как безжалостно его самого высочайшим указом выдернули из Коллегии и отправили в Лифию.

О том, как император спровадил на «заслуженный отдых» Анттона-старшего, когда надо было расчистить место для невинного мужа двоюродной племянницы его величества.

О том, как подавляли восстание во внешних провинциях. Как проводили денежную реформу. Как чистили «новую» аристократию.

На протяжении восьми лет после окончания университета Анттон все сваливал на кого угодно, только не на императора. Да, именно тогда, перед финальным экзаменом, они по одному уходили на ночное бдение у портрета его величества и все как один, даже самые стойкие, засыпали.

— Я не собираюсь помогать вам.

Губернатор сложил два и два и понял, что нужен мятежникам — а кем они еще могли быть? — для поддержки их темного дела.

— Смешной. — Реттор улыбнулся.

— Ты был таким же, — одернул его Тетторион. — Анттон, нам не нужен мятеж. Нам нужны хорошие маги для того, чтобы выбить у императора автономию где-нибудь на территории этого материка, который не освоен Закатом и на сотую долю процента. Мы можем опираться на помощь дигно, местных жителей, но если не обеспечим себе защиту, рано или поздно придет Закат и сотрет нас в пыль. Сейчас император может себе позволить выдать нам кусок земли под освоение, договора империя последние сто лет соблюдает — иначе провинции бы взметнулись снизу.

— Сегодня на лояльность настраивают только *высших*, завтра каждый *первый* в Закате окажется верен императору до гроба, а послезавтра разницу между *поднятым* и *первым* будет невозможно разглядеть со стороны. — Реттор говорил как по бумажке, не отвлекаясь от дороги. — Нужен клапан для тех, кто не согласен так жить. Мы фактически помогаем империи, создавая автономию.

— А что помешает мне сдать вас при первой же возможности? — поинтересовался Анттон спокойным голосом, умеренно допуская в него внутреннюю напряженность.

— И ты позволишь им снова запустить в твой мозг свои шупальца? — поинтересовался Тетторион.

Они высадили его в паре километров от резиденции. «Ведь в любой момент могли подобраться так близко, — подумал про себя губернатор. — Пара приличных снайперов — и ни один *убийца* не спасет».

— Как я вас найду?

— Наш лагерь к югу от разгромленной деревни. Мы перестали экранировать *быков*, ты их поднимал, значит, обнаружишь без труда.

— Хорошо.

Карин была рада. Очень рада. Ее не интересовало, что погибло две трети всех солдат молодой колонии, что потеряны четверо *убийц* и одна *гончая*.

Для нее самым главным было то, что вернулся Анттон. И он не разочаровал девушку — обнял ее сразу, ни секунды не сомневаясь.

Стационарный телефон приветливо звякнул, когда губернатор взял в руку трубку, связанную пуповиной с основной частью организма.

— Канцлер Титтус, номер семь-два-два-одиннадцать-два-два-семь.

— Анттон? Не ожидал так скоро. — Канцлер явно что-то жевал.

— Мессир Титтус, наши опасения подтвердились. Здесь есть заговор, и его участники очень опасны. Среди них Тетторион, Реттор и, по моим прикидкам, еще около полутора десятков опытных магов, пропавших за последние полтора года в южных колониях. Заговор против империи и лично императора.

— Что посоветуешь? — не переставая жевать, поинтересовался канцлер.

— Полное уничтожение. Мне нужны полторы сотни *гончих* и сотня *убийц*. Я проведу свое расследование и уничтожу всех, кроме одного-двух, которых направлю в Закат для процесса.

— Если все будет сделано правильно, то ты займешь место генерала Поттьера — старый интриган увлекается, его давно пора заменить на свежего человека.

— А если будут помарки? — Анттон знал о том, что канцлер любит, когда все происходит строго по плану. Сам же он никогда не отступал от своего слова, правда, и давал его не очень охотно.

— Если будут помарки, то ты отправишься в какую-нибудь восточную провинцию, в заштатный университет преподавателем магии. — Чтобы подчеркнуть иронию, канцлер даже перестал жевать.

— Понял, помарок не будет. — Анттон дождался, пока телефон пискнул, сообщая, что на другом конце провода положили трубку.

Сегодня вечером он сделает предложение Карин. Через несколько дней придет морской транспорт с *убийцами*, *гончими* и парой магов, которые передадут Анттону управление над *поднятыми*.

А затем самый молодой губернатор империи проведет чистку. Он уничтожит всех предателей, а последние двое утонут вместе с транспортом, направляющимся обратно в Закат.

Канцлер, любящий докапываться до буквы, признает это по-маркой и отправит Анттона в заштатный университет.

Подняв университетские и отцовские связи, тот выбьет назначение в восточную Аллию. На профессорской должности не надо доказывать лояльность, а дети впавшего в немилость чиновника и представительницы «новой» аристократии вряд ли займут высокие посты в империи.

Анттон просчитал все.

Его ждет уютное плетеное кресло-качалка, любимая жена, приятная работа и много детей.

— Мессир! — Свенир ворвался в кабинет и всплеснул руками. — Как вы похудели!

«Надо бы сделать менее громкого *халдея*, — подумал губернатор. — Как слуга провинциального профессора этот слишком патетичен».

Примечание автора

Меня всегда завораживали культуры, не похожие на нашу. Другие миры, которые совсем рядом — какие-то за несколько тысяч километров, какие-то всего в паре веков от нас.

Где люди совершенно по-другому воспринимают мир, смерть, религию, друг друга.

Как можно владеть человеком? Как можно не бояться смерти? Как можно считать наркотики нормой?

Попытка узнать другую культуру через замороженность и удивление ведет к пониманию; и в какой-то момент ты вдруг осознаешь, что рабство в Риме в общем-то не было той упрощенной системой, которую нам дают в учебниках истории. Что вера в загробный мир или вывод инстинкта самосохране-

ния из значимых приоритетов — достаточное средство для ухода от страха смерти.

Что наркотики по большому счету часть практически любой культуры, и мы с нашим курением и алкоголем — отнюдь не исключение, а во многом даже более красочный пример, чем Китай в период опиумных войн.

И когда приходит это понимание — то хочется придумать свой, уникальный мир. Свою культуру, практически не связанную с нашей. Такую, чтобы на непредвзятый взгляд она вызывала отвращение — но если всмотреться через призму авторского восприятия, чтобы все становилось вполне нормальным и логичным.

И я написал «Подъем с переворотом».

Этот рассказ мне нравится.

Содержание

Предисловие	3
Благодарности	6
Вперед и в сторону	7
Енька в тенеградшедобром	8
Республика Знаний	40
Пожиратели книг	82
Джулик	103
Свинобабка	115
Другие сказки	141
Перепелиное яйцо	142
Особенности Шучьего Лога	161
Драконья доля	181
Плакальщик	193
Катажина, или Молот Билевичей	208
Зргр	233
Игры со смертью	245
Князь Разумовский-Таврический	246
Пушкарь и красавица	276
Раритетный человек Тэнгри	298
Подъем с переворотом	320

Где и как купить бумажные книги?
Где и как купить электронные книги?
Как они выглядят?

Все о книгах издательства «Фантаверсум»:

<http://www.fantaversum.ru>

ООО «Фантаверсум»
141410, Московская обл., г.Химки, ул.Молодежная, д.70
www.fantaversum.ru
post@fantaversum.ru

...Скажу пару слов о «цветной волне», куда произволом критиков определили многих нынешних молодых российских фантастов, в том числе и Эльдара Сафина. Этих писателей объединяет атмосферность, присущая постмодернизму цитатность, «западничество», работа на стыке жанров и – самодостаточность, герметичность текстов.

В их рассказах и романах нет жесткой привязки к актуальной социальной и политической ситуации, они не дают прогнозов на будущее, не пропагандируют науку, как это делали «шестидесятники», и даже подвиги герои их книг совершают странные, порой нелепые...

*Юлия Зонис,
писатель*

Талейдоскоп — это устройство, разновидность калейдоскопа, в котором меняющийся узор строится из отраженных зеркалами фрагментов видимого мира. Так же и в нашей одноименной серии: каждый рассказ слагает новый рисунок реальности, преломленной сквозь линзу мировосприятия автора и причудливо отраженной гранями фантастического вымысла.

ISBN 978-5-905360-17-6

9 785905 360176